Научная статья / Original Article

Когнитивная социология: к пересмотру роли познания в социологическом объяснении

Рекомендация для цитирования:
Серебренников Д. Е., Варшавер Е. А. (2026) Когнитивная социология: к пересмотру роли познания в социологическом объяснении. *Социология власти*, 38 (3): 11-82. EDN: GTZEAX

For citation:
Serebrennikov D. E., Varshaver E. A. (2026) Cognitive Sociology: Revisiting the Role of Cognition in Sociological Explanation. *Sociology of Power*, 38 (3): 11-82.

Поступила в редакцию: 30.03.2026; прошла рецензирование: 20.06.2026; принята в печать: 01.07.2026
Received: 30.03.2026; Revised: 20.06.2026; Accepted: 01.07.2026

© Authors, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Дмитрий Е. Серебренников

Kazakhstan Sociology Lab, Астана, Казахстан;
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0002-2574-3842

Евгений А. Варшавер

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0002-5901-8470

Резюме: В статье представлен аналитический обзор социологического направления, известного как когнитивная социология. Следуя дюркгеймовскому принципу объяснять социальное социальным, социология долгое время игнорировала вопросы познания, восприятия и принятия решений, размещая их за пределами своих объяснительных моделей. В результате в дисциплине закрепились упрощенные и слабо отрефлексированные представления об акторе, его рациональности и мотивации, все менее согласующиеся с достижениями когнитивных наук. В статье предлагается интерпретация когнитивной социологии как исследовательского проекта, ставящего своей целью перестройку теоретических оснований социологии с учетом современных представлений о познании, не редуцируя при этом социологическое объяснение к психологическому. Рассматриваются история формирования направления, линии напряжения внутри него и ключевые теоретические блоки, из которых оно состоит: концепт схем, теория двойного

процесса познания и 4E-подходы. Показано, что, несмотря на различия между этими подходами, все они ориентированы на выработку более когнитивно правдоподобной модели социального действия. Ключевым элементом и основным теоретическим ходом предлагаемой в статье сборки выступает ситуация как аналитическая единица, в которой соединяются когнитивные процессы, телесность, элементы среды, социальные взаимодействия и практическое действие. Такой ситуационистский ход позволяет связать внутренние механизмы познания с контекстом их реализации, преодолеть ограничения моделей, выводящих действие из ценностей, норм или иных абстрактных репрезентаций, выработать более механистически чувствительные, но не редукционистские объяснения. В этом смысле когнитивная социология рассматривается в статье не только в контексте заимствования идей из смежных дисциплин, но и как проект для экспорта социологических моделей в более широкий междисциплинарный контекст. Развитие направления открывает возможность соединить анализ когнитивных механизмов с исследованием социальных структур и процессов, неравенства, а также дать общий язык для диалога с представителями других наук о человеке.

Ключевые слова: когнитивная социология, познание, культура, схемы, теория двойного процесса познания, 4E, ситуация

Cognitive Sociology: Revisiting the Role of Cognition in Sociological Explanation

Dmitrii E. Serebrennikov

Kazakhstan Sociology Lab, Astana, Kazakhstan; European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-2574-3842

Evgeni A. Varshaver

RANEPA, Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-5901-8470

Abstract: This article presents an analytical review of the sociological tradition known as cognitive sociology. Following the Durkheimian injunction to explain the social by the social, sociology long tended to bracket questions of cognition, perception, and decision-making, placing them outside its explanatory frameworks. As a result, the discipline came to rely on simplified and insufficiently theorized assumptions about actors, their rationality, and their motivations, which have become increasingly difficult to reconcile with developments in the cognitive sciences. The article interprets cognitive sociology as a research project aimed at reworking the theoretical foundations of sociology in light of contemporary understandings of cognition, without reducing sociological explanation to a psychological one. It examines the historical formation of this field, the internal lines of tension that structure it, and the key theoretical components of

which it is composed: the concept of schemas, dual-process models of cognition, and 4E approaches. Despite important differences among these perspectives, the article argues that they share a common orientation toward developing a more cognitively plausible model of social action. The central element, and the main theoretical move, of the proposed assembling in the article is the situation as an analytical unit in which cognitive processes, embodiment, environmental affordances, social interaction, and practical action are brought together. Such a situational move makes it possible to link internal cognitive mechanisms to the contexts in which they are enacted, to overcome the limitations of models that derive action from values, norms, or other abstract representations, and to develop explanations that are more sensitive to underlying mechanisms without being reductionist. In this sense, cognitive sociology is treated not only as a project of borrowing ideas from adjacent disciplines, but also as a framework for exporting sociological models into a broader interdisciplinary context. The further development of this approach opens up the possibility of integrating the analysis of cognitive mechanisms with the study of social structures, processes, and inequality, while also providing a shared language for dialogue with other human sciences.

Keywords: cognitive sociology, cognition, culture, schema, dual-process model, 4E, situation

Введение

Социология, следуя дюркгеймовскому принципу «объяснять социальное социальным», традиционно была сконцентрирована на изучении структур, институтов, нормативных или ценностных порядков, в которые погружен индивид. При этом сам индивид, механизмы его мышления в социологическом теоретизировании зачастую представляли собой «черный ящик». Все базовые категории познания и взаимодействия с миром имеют социальное происхождение — это фундаментальный принцип социологической модели человека (Дюркгейм 2018). Эта модель закрепилась в дисциплине, а вместе с ней — и унаследованные от классической теории представления о рациональности, мотивации и поведении. Долгое время эти представления не становились предметом специальной рефлексии (Martin 2011).

Между тем развитие психологии и когнитивных наук существенно усложнило наше знание о процессах восприятия, категоризации и принятия решений. Когда социологи обращаются к этим данным, то обнаруживают значительный разрыв между собственной моделью человека и современными моделями познания (Bergesen 2004a). Этот разрыв является одной из причин изолированного положения социологии по отношению к другим смежным наукам — психологии, экономики и т. д. (Lizardo 2014). Важной задачей развития об-

ласти, таким образом, становится ликвидация этого разрыва. Это, впрочем, не означает необходимости редукции социологического объяснения к психологическому, но ставит вопрос о более строгой теоретической проработке того, как социология не критически, а конструктивно может выстроить диалог с другими дисциплинами и привести свои основы в соответствие с достижениями и конвенциями смежных наук (Martin 2011).

Развитие когнитивной науки, возникшей в 1950–1960-е годы как междисциплинарный проект на стыке психологии, нейронаук, лингвистики, философии, компьютерных наук и антропологии (Miller 2003), радикально изменило представление о природе мышления. Сегодня когнитивистика рассматривается как один из наиболее амбициозных проектов, способных выступить мостом между социальными и естественнонаучными дисциплинами (Kaidesoja et al. 2019). Именно в ней видится наиболее очевидный ресурс для пересмотра дисциплинарных оснований социальных наук.

На этом пересечении примерно 30 лет назад возникает направление, известное как когнитивная социология. Это направление, впрочем, не является принципиально новым для социальных наук — мышление, его механизмы и связь между социальными и когнитивными явлениями занимали социологов с зарождения дисциплины, более того, имплицитная когнитивизация, которую также называют «когнитивным поворотом» (Kurakin 2020; Lizardo 2014; Martin 2010; Vaisey 2009; Варшавер 2024; Девятко 2025; Шариков 2019) в социальных науках стала происходить довольно рано.

Важно различать когнитивный поворот и когнитивную социологию. Когнитивный поворот обозначает общее смещение исследовательской оптики в сторону анализа познавательных процессов, тогда как когнитивная социология представляет собой более узкий и эксплицитный проект перестройки теоретических оснований дисциплины с опорой на достижения когнитивных наук. Показателями того, что это направление оформляется как самостоятельное поле, стал выход соответствующего хендбука (Brekhus, Ignatow 2019), а также активно ведущаяся несколько десятилетий и продолжающаяся до сих пор дискуссия представителей направления в ведущих журналах дисциплины (Dubash, Brett 2023).

Когнитивная социология, в части мышления заменяя изначальный black box на glass box, реинтерпретирует классические вопросы и отвечает на них не классически (Kaidesoja et al. 2022). В этом смысле она не отказывается от социологической традиции (например, от признания важности социализации или мышления групповыми категориями (Bergesen 2004b)), но стремится конкретизировать ее фундамент и определить, какие следствия должны быть приняты исходя из новых, когнитивных, посылок. Распростра-

ненной иллюстрацией этого являются изменения, происходящие в социологических исследованиях ценностей. Опираясь на представления об интериоризированных в детстве ценностях как определяющих действия индивида, классические исследования не объяснили, как именно эта связь устроена на уровне механизма. В рамках когнитивной социологии предполагается, что ценностей, установок и шаблонов поведения «вокруг» индивида всегда больше, чем он может «впитать», и зачастую они противоречат друг другу. Это породило целый ряд моделей и метафор («строительные леса», «ящик с инструментами», «наездник на слоне» и проч.), описывающих соотношение культуры и индивида иным, нежели в классических теориях, образом (Lembo, Martin 2022). Общая же амбиция подхода состоит в пересмотре основных понятий социологической теории в направлении их когнитивной правдоподобности (Turner 1994; Девятко 2015).

К когнитивной социологии, таким образом, следует относить проекты: (1) находящиеся внутри социологии, (2) эксплицитно декларирующие необходимость перестройки теоретической модели дисциплины (3) с использованием ресурсов когнитивных наук. К таковым мы предлагаем относить: раннюю программу Аарона Сикуреля (Cicourel 1974), проект Эвиатара Зерубавеля (Zerubavel 1993), междисциплинарные инициативы Пола ДиМаджио (DiMaggio 1997), социологию культуры и познания (Vaisey 2009; Lizardo 2017), постбурдьевистскую социологию культуры (Lizardo 2007), а также исследования воплощенного познания (Menary 2010). Несмотря на различие лейблов, между этими направлениями и их авторами ведется интенсивная дискуссия о границах социологического объяснения и о возможностях интеграции знаний о мозге и познании в теорию социального действия.

Важно подчеркнуть, что когнитивная социология не является цельным и однородным проектом. Скорее, это поле пересекающихся подходов и споров, объединенных стремлением уйти от онтологического холизма, сводящего объяснение социального к социальному, и преодолеть изоляционистскую позицию дисциплины (Healy 2017; Lizardo 2014). Перестройка моделей объяснения в направлении их согласования с конвенциями когнитивных наук потенциально позволяет социологии не только заимствовать, но и «экспортировать» свои объяснительные схемы в более широкий междисциплинарный контекст (Lizardo 2014; Abbott 2005; Hedström, Ylikoski 2010).

В рамках этой работы мы стремимся произвести сборку когнитивной социологии, описав основные положения представленных выше направлений, определив соотношения между ними, восстановив ведущиеся дискуссии и выявив линии теоретического напряжения в области. Настоящий текст продолжает и развивает рус-

скоязычные обзорные работы по когнитивной социологии (Девятко 2007, 2015, 2025; Шариков 2019, 2020, 2022), однако описание и анализ когнитивной социологии как теоретического проекта (именно так определяется цель статьи) были редки и в рамках англоязычной академии (Brekhus, Ignatow 2019). Работа структурирована следующим образом. Сначала рассматривается исторический интерес социологии к познанию как «фигуре умолчания», а местами — и «запретному плоду» (Варшавер 2026) дисциплины. Далее анализируется когнитивная революция и ее соотношение с ростом внимания к проблематике познания в социологии во второй половине XX века. Третья часть посвящена истории институционализации когнитивной социологии и ее центральным сюжетам и концептам: культурным схемам, теории двойного процесса познания, теории воплощенного (4E) познания, а также ситуационизму как общей точке когнитивной теории социального действия, при этом внимание уделяется как теоретическим основаниям, так и методологическим подходам к эмпирическому изучению этих феноменов[1]. В четвертой части анализируются основные дискуссии и линии напряжения, пятая — описывает рецепции когнитивной социологии в различных социологических «субдисциплинах». В резюме описывается «общий знаменатель» подхода и предлагается новая, более когнитивно правдоподобная модель социального действия.

В этой статье мы не ограничиваемся обзором существующих подходов, но предлагаем их теоретическую пересборку. Мы утверждаем, что ключевой проблемой когнитивной социологии остается отсутствие согласованной модели социального действия, чувствительной к когнитивным механизмам. В качестве решения мы предлагаем рассматривать ситуацию как базовую единицу анализа, в которой соединяются когнитивные процессы, социальные структуры и практическое действие. Кроме того, вслед за Омаром Лизардо и Стивеном Вэйзи (Lizardo 2014; Vaisey 2021) мы считаем, что когнитивная социология рискует повторить участь многих других проектов в дисциплине — стать бестелесным «аватаром» внешней (в данном случае — когнитивной) науки для внутреннего пользования внутри социологии, не пользующимся спросом за ее пределами. Критерием успеха обсуждаемого интеллектуального проекта является такая пересборка онтологических основ социологии и ее базовых моделей, которая дала бы возможность организовать ком-

1 Мы сознательно не выстраиваем отдельного раздела вокруг фрейм-анализа. Хотя фреймы остаются важной темой в социологических исследованиях, их институциональная аффилированность с когнитивной социологией остается ограниченной (Wood et al. 2018).

муникацию с другими научными дисциплинами и экспорт социологических идей и моделей «вовне». Предложение языка для этой коммуникации и является ключевой задачей настоящей статьи.

Как социологи пытались (не) исследовать мышление, но у них не вышло

Несмотря на то что в словосочетании «когнитивный поворот» слышится пересмотр направления движения и связанного с ним дисциплинарного ракурса, теоретики социологии с момента основания дисциплины регулярно обращались к вопросам познания, пусть и не делая их центральным предметом анализа.

Исторический интерес социологии к мышлению можно условно сгруппировать в несколько линий. Во-первых, это линия классификаций (проекты Э. Дюркгейма, М. Мосса, М. Дуглас и др.), где познание понимается как социально организованная система категорий. Во-вторых, линия смысла и интерпретации (М. Вебер, феноменологические проекты и др.), акцентирующая внимание на понимании действия. В-третьих, конструктивистские проекты (П. Бергера, Т. Лукмана и др.) с интересом к появлению и поддержанию социальных конвенций. В-четвертых, линия интереса к практикам (П. Бурдье, Э. Гидденс и др.), где когнитивные структуры рассматриваются как воплощенные и нерефлексивные.

Уже в классических работах Эмиль Дюркгейм и Марсель Мосс ставили вопрос о связи социальной организации и категорий, посредством которых происходит упорядочивание мира (Durkheim, Mauss 2009; Дюркгейм 2018). В работе «О некоторых первобытных формах классификации» они вводят понятие коллективных представлений, определяемых как системы символической классификации, «зеркалящие» общественные структуры и, в свою очередь, структурирующие восприятие и мышление. В этой логике базовые категории (время, пространство, причина и проч.) понимаются не как кантовские универсальные формы сознания, а как явления, порожденные социализацией в определенном коллективе (Durkheim, Mauss 2009).

Интерес к когнитивному измерению можно отметить и в других направлениях классической теории. Одной из центральных проблем для Макса Вебера была проблема смысла действия, а конкретнее — социальных детерминант мышления и поведения индивида (Вебер 2016). Георг Зиммель уделял внимание мышлению как результату структурирования опыта через типичные социальные отношения в конкретный период времени (Simmel 2009). Карл Маннгейм в рамках социологии знания утверждал, что мыслит не изолированный индивид, а люди как члены определенных соци-

альных коллективов, вырабатывающих «стили мышления» (Маннгейм 1994). Альфред Шюц, развивая феноменологическую традицию, анализировал типизации повседневного сознания (Шюц 2004). Во всех этих проектах мышление рассматривалось как социально обусловленный процесс.

Отдельного упоминания заслуживает напряженная история отношений социологии и психологии. В стремлении дистанцироваться социология поставила запрет на интерналистские, психологические объяснения, объявив их территорией не-социологии. Эта установка на сепарацию сыграла институционально важную роль, но одновременно способствовала образованию конвенции дисциплины вокруг «тотально социализированного человека», все действия которого могут быть объяснены из перспективы социологии (Turner 2007; Девятко 2015). Дальнейший интерес к сюжетам мышления как такового во многом сместился в антропологические работы (d'Andrade 1995), а в социологических исследованиях, в отличие от большинства других социальных наук, переживших «когнитивную революцию» в середине XX в. (Leschziner, Brett 2021), долгое время доминировали исследования макро- и микромасштаба, где познавательные процессы оставались фоновым элементом.

То, что принято называть когнитивной революцией, оформилось в 1950–1960-е годы как альтернатива бихевиоризму в психологии (Miller 2003) и представляло собой междисциплинарное научное предприятие, фокусирующееся прежде всего на внутренних механизмах обработки информации и в целом мышления. Вокруг этой повестки сложилась «федерация» дисциплин: психология, нейронауки, лингвистика, философия, компьютерные науки и антропология (Miller 2003). Со временем область когнитивного стала одной из центральных тем и психологии (Ash 2025). Через несколько десятилетий эта повестка появилась и в экономике (Канеман 2014) и политической науке (Simon 1985). Социология, однако, осталась в стороне от этих тенденций и не пережила когнитивную революцию как революцию в собственной дисциплине. Можно предположить, что так случилось во многом потому, что познание и вопросы классификации, категоризации мира были традиционными темами для социологов.

Однако изменения в других социальных науках затрагивали и социологию. Начиная с 1970-х гг. представители «новой классики» дисциплины стали инкорпорировать объяснения, отталкивающиеся от мышления индивида, в свои теории (Ignatow 2007; Strydom 2007; Vaisey 2021). Интересно, что рецепция когнитивного в этот период происходила не как прямое заимствование из когнитивных наук, а в рамках собственных теоретических поворотов — прежде всего конструктивистского и феноменологического. Так, в «Социальном конструировании реальности» Питер Бергер и Томас

Лукман описали, как устойчивые ожидания и типизации становятся самоочевидной конвенцией и закрепляются на уровне «интерсубъективных миров». Центральную роль в их модели играют т.н. «структуры релевантности», связывающие внимание и не-внимание с социальным положением и практическими интересами индивидов (Бергер, Лукман 1995). Близкую линию радикализировала этнометодология. Гарольд Гарфинкель представлял социальный порядок не как «данный», а как постоянно «производимый» в практиках понимания, объяснения и поддержания очевидности в ходе взаимодействия (Garfinkel 2023). В рамках конверс-анализа, возникшего на этнометодологической базе, категоризация оказалась в фокусе исследований категоризации членства (*membership categorization device*), пытавшихся ответить на вопрос о том, как используются социальные категории для понимания/объяснения ситуации (Sacks 1972; Schegloff 2007). На этом фоне показательно раннее, но институционально неуспешное появление термина «когнитивная социология» у Аарона Сикуреля. Он вводит его как программу исследования интерпретативных процессов и категорий, через которые акторы распознают ситуации и координируют действие (Cicourel 1974). Однако эта программа осталась маргиналией и не породила исследовательскую традицию (Девятко 2015).

Другая важная линия «когнитивизации» социологической теории шла через микросоциологию взаимодействия и теорию практик. У Гофмана анализ фреймов превращает релевантность в социологическую проблему: на что обращают внимание, а что исключается как фон, задается не индивидуальной психологией, а социально разделяемыми способами определения ситуации. Схожая логика описывает наблюдения о гражданском невнимании (*civil inattention*) как об освоенной технике координации индивидов между собой в публичных пространствах (Goffman 1963, 1974). У Энтони Гидденса различение практического и дискурсивного сознания позволяет мыслить действие как опирающееся на фоновые, не обязательно артикулируемые знания (Giddens 1984). Несмотря на то что именно эта идея стала принципиальной для дальнейшей когнитивной социологии, более влиятельным ключевым теоретиком (на теоретическом фундаменте которого дальше развивалась традиция) стал Пьер Бурдье. Бурдье создал язык, в котором телесно закрепленные диспозиции (габитус) связывают социальные структуры и когнитивно-практические схемы действия (Bourdieu 1990). Сама идея габитуса, по-видимому, развивается у Бурдье от работ Жана Пиаже, где знание понимается как формирующееся в действии и преобразующееся под воздействием среды. Пиаже стал источником вдохновения и для других проектов в когнитивной науке (Piaget 1970; Vandenberghe 1999).

Наконец, отдельный канал рецепции когнитивного — это неоструктуралистская и неодюркгеймианская работа с символическими классификациями. В антропологии и затем в социологии Мэри Дуглас переописала классификации как институты мышления — они «колонизируют умы», задавая способы видеть порядок/беспорядок и поддерживая границы допустимого. В работе «Чистота и опасность» она представляет «грязь» не как гигиеническую метафору, а как ключевой концепт классификации мира, «материей не на своем месте» (Douglas 1986; Дуглас 2000, с. 200). Развитие этой линии привело к попытке типологизировать культурные мировоззрения и связать их с восприятием риска и последующего действия (Douglas, Wildavsky 1983), а также с неодюркгеймианскими проектами культурсоциологии (Alexander 1992, 2005).

В итоге «когнитивная революция» стала для социологии не столько одномоментным событием, сколько контекстом, на фоне которого ряд ключевых теоретических проектов второй половины XX века — от конструктивизма до теории практик и неоструктурализма — начали все более явно описывать социальный порядок через механизмы внимания, категоризации, интерпретации и воплощенного знания (Strydom 2007; Kaidesoja et al. 2022).

В этом смысле новизна проекта когнитивной социологии, возникшего в 1990-х гг., состоит не в интересе к мышлению в целом, а в стремлении привести собственные представления в соответствие с актуальными конвенциями когнитивных наук, интегрировать их в социологическое теоретическое моделирование и выстроить более прямой диалог с другими дисциплинами.

Когнитивная социология: что это?

Внутренний теоретический нерв когнитивной социологии часто описывают как противостояние двух линий: интерналистской и экстерналистской (Brekhus, Ignatow 2019; Шариков 2020). Интерналистская линия (с ключевым автором Эвиатаром Зерубавелем) исходит из того, что когнитивная социология прежде всего должна развивать собственный социологический язык описания ментальных процессов и сосредоточиться на изучении коллективных форм внимания, категоризации и морального различения. Экстерналистская линия (от Пола ДиМаджио к социологам культуры и познания), напротив, связана с установкой на диалог с когнитивными науками. Представители этого направления предлагают больше внимания уделять мышлению как таковому, выявляя пределы социологического объяснения.

Эмпирические же исследователи фокусируются на способах обработки информации, организации сигналов из окружающей

среды и проч. с вынесением части объяснения за пределы «внутреннего» сознания — в практики, артефакты и ситуации. В этой траектории когнитивная социология мыслится как поле, способное строить механистически чувствительные объяснения, но при этом сохранять содержание большого социологического объяснения (Lizardo 2014; Девятко 2015).

В противостоянии двух линий на кону стоит не только выбор теоретического языка, но и вопрос о границах социологического объяснения. Должна ли социология сохранять автономию, описывая коллективные формы мышления собственными средствами, или же она должна интегрировать когнитивные модели, рискуя пересмотреть свои основания? В этом смысле конфликт между интерналистской и экстерналистской линиями отражает более общее напряжение внутри дисциплины между социологизмом и междисциплинарной интеграцией.

Описываемый спор разворачивался главным образом внутри социологии культуры, но это не означает, что когнитивная социология сводится к этой области. Скорее именно здесь наиболее явно проявляются напряжения, связанные с тем, как именно менять концептуализацию человека и, исходя из новой перспективы, последующие теоретические построения. При этом представители направления имеют тенденцию понимать культуру настолько широко, что она во многом становится синонимом социального в целом (Lizardo 2014). Скепсис по отношению к чрезмерно широкому пониманию культуры (вплоть до ироничной формулы обо «всем человеческом, что нельзя потрогать руками» (Martin 2010)) делает легитимным намеренный выход за рамки узкого культур-социологического языка и разработку когнитивной социологии как более общего теоретического проекта. В этом же контексте возникает критика дисциплинарной замкнутости — вместо междисциплинарного обмена социологи нередко создают «аватары» других наук внутри собственной науки (например, «экономическую социологию», как отражение экономики в социологии), что укрепляет иллюзию автономности, но ослабляет диалог на равных с другими науками (Lizardo 2014).

Ратгерская школа

Академическое направление «когнитивная социология» в явном виде обычно начинают от книги профессора Ратгерского университета Эвиатара Зерубавеля «Социальные ландшафты мысли: Приглашение в когнитивную социологию» (Zerubavel 1997). В этой версии когнитивная социология определяется как срединная позиция между радикальным индивидуализмом и радикальным со-

циологизмом. Первая позиция описывает познание индивида как универсальное и, в большей степени, биологически обоснованное. Огрубляя, его можно представить либо как конвенциональный подход в рамках традиционной психологии, либо как модель рационального агента в теории рационального выбора. Радикальный социологизм, наоборот, утверждает, что все категории мышления и даже базовые способности ориентации в мире (восприятие пространства, времени, причинности и т.п.) социально сконструированы и могли бы быть другими. Следствием этого является стремление описывать социальное только через социальное.

Зерубавель представляет индивидов не только в универсальных категориях, но и как участников коллективов. Они совместно формируют стили внимания, классификации, памяти и смыслообразования (Zerubavel 1997; Brekhus 2007). В этом контексте когнитивная социология не подменяет когнитивные науки, а дополняет их, показывая, как коллективные взаимодействия задают вариативность познавательных форм, неразличимую, если фокусироваться исключительно на универсалиях мышления и их индивидуальных вариациях.

Интеллектуально этот проект укоренен сразу в нескольких традициях. Зерубавель — ученик Ирвинга Гофмана. Это проявляется в чувствительности к рамкам восприятия и к социальной организации того, что становится заметным или, наоборот, игнорируемым (Strydom 2007). Методологически он опирается на формальную социологию Зиммеля — задача анализа состоит не в описании уникального содержания событий, а в выявлении повторяющихся форм их организации (Simmel 1959; Zerubavel 2007). Существенную роль в построениях Зерубавеля играет и понятие «мыслительного коллектива» Людвига Флека — идея о том, что способы видеть и классифицировать мир закрепляются в сообществах, поддерживающих общие стили мышления (Fleck 1935/1981). Зерубавель их называет также «оптические сообщества» (Zerubavel 1997). В более широком плане эта линия продолжает дюркгеймианскую (а в конечном счете кантианскую) интуицию о социальном как системе рамок, в которых мир кодируется в операбельные категории.

Центральная теоретическая идея Зерубавеля состоит в несоответствии между непрерывностью мира «как данности» и дискретностью в способах его осмысления людьми. Последнее Зерубавель называет «островами смыслов» (Zerubavel 1997).

Как происходит переход от континуальности к дискреции? Посредством двух основных операций: объединения (*lumping*) и расщепления (*splitting*) (Zerubavel 1996). Объединяя, мы уменьшаем ментальную дистанцию между объектами и считаем их функционально эквивалентными (например, разные по длине месяцы

воспринимаются как единая категория «месяц»), а расщепляя, напротив, усиливаем границы между кластерами и придаем им качественное различие (например, между 17- и 18-летними людьми). Эти операции могут иметь физиологические основания (например, различение людей и не-людей (Bergesen 2004b)), но их устойчивость и социальная значимость связаны с принадлежностью к «оптическим сообществам», которые совместно закрепляют привычные способы различения и сближения объектов (Zerubavel 1996, 1997; Strauss, Quinn 1997). Логика классификации усваивается в процессе когнитивной социализации. Мы учимся тому, какие различия считать значимыми, а какие — «незначительными», а позднее проецируем эту систему различий на другие объекты и ситуации.

Здесь важно уточнить, что, согласно зерубавелевскому проекту, разные общества могут по-разному наполнять смыслом определенные социальные явления, но сами эти явления (ритуалы перехода, зонирование пространства, структурирование времени и проч.) обладают структурным сходством и потенциально конечны (Zerubavel 1993, 2007). Таким образом, когнитивная социология не конкурирует с когнитивной наукой в поиске биологических универсалий, а выявляет воспроизводящиеся формы категоризации и дистанцирования (Zerubavel 1997).

Эмпирически эта программа реализуется через анализ социальных паттернов (*social pattern analysis*), который получил распространение среди учеников Зерубавеля, обобщенно называемых Ратгерской школой (Strydom 2007). В поисках скрытого единообразия форм организации опыта исследователи должны использовать сравнительный метод с максимально возможной вариацией случаев и теоретическую выборку для организации этих случаев в исследовательском дизайне (Zerubavel 2007). Среди основных социальных форм, которые становятся предметом анализа: формы установления границ, пересечения социальных рубежей, «слоны в комнате» — организация умалчивания чего-либо (Zerubavel 2006), а также ритуализированные переходы из одного социального состояния в другое (Zerubavel 1993). Так, например, изучается пространственное зонирование повседневности, где материальные границы поддерживают ментальные контрасты между дозволенным и табуированным, сакральным и профанным (Zerubavel 1996). В такой рамке культура или социальное выступают как фильтр между разумом и миром, организующий способы восприятия и категоризации (Strydom 2007).

Несмотря на концептуальную четкость и методологическую программу, Ратгерская школа часто критикуется за отсутствие единой гранд-теории (см. ниже). Однако корректнее говорить не об отсутствии теории как таковой, а об ограниченной синтетической амби-

ции. У школы есть устойчивый инструментарий для анализа внимания, классификации, памяти и времени (Zerubavel 1997; Brekhus 2007), но она не развивает интегративную модель социального действия, или макродинамики, связывающую формы категоризации с институтами, властью или историческими изменениями. В этом смысле зерубавелевская когнитивная социология представлена как теория форм и паттернов организации опыта, но не трансформируется в общую теорию социального порядка и действия (Brekhus 2007; Zerubavel 2007). Именно эта лакуна в дальнейшем и станет точкой для критики со стороны более экстерналистских и механистически ориентированных традиций когнитивной социологии.

Социология культуры и познания

В 2000-е годы в когнитивной социологии оформляется новая группа исследователей, которые в целом симпатизируют «когнитивизации» социологии, однако критически относятся к решению, предложенному Зерубавелем и Ратгерской школой. В отличие от зерубавелевского акцента на выявлении паттернов внимания и классификации, эти авторы пытаются уточнить, какие именно когнитивные предпосылки делают возможными культурные практики и почему определенные версии «социологизма» («объяснения социального социальным») оказываются теоретически и эмпирически уязвимыми. При этом сам зерубавелевский мотив (культура проявляется в формах классификации, внимания и смыслового зонирования) не исчезает. Скорее меняется вопрос — если паттерны действительно обнаруживаются в эмпирических данных, то какие механизмы обеспечивают их воспроизводимость или изменяемость со стороны индивида? Этот сдвиг и открывает путь к повестке социологии культуры и познания (англ. *culture & cognition*), где социологическая чувствительность к контексту соединяется с требованием когнитивной правдоподобности (DiMaggio 1997; Cerulo et al. 2021)[1].

Знаковой точкой для отсчета этого поворота обычно считают 1997 год и статью Пола ДиМаджио, давшую название всему направлению: «Культура и познание» (DiMaggio 1997). ДиМаджио отталкивается от критики монолитного понимания культуры как единой системы, «впитываемой» в ходе социализации и затем автоматически детерминирующей поведение. Он фиксирует, что культурное знание у индивида скорее напоминает не стройную систему,

1 Важно отметить, что в рамках статьи мы не обозреваем психологическую традицию cognition & culture, которая, несмотря на близость названия, существует как отдельное поле.

а гетерогенный набор фрагментов, и потому ключевым становится вопрос не «что человек усвоил», а *как именно* это знание извлекается и «работает». В качестве ответа ДиМаджио предлагает опереться на понятие схем, которое он заимствует из когнитивной психологии. Схемы выступают одновременно как структуры знания и как механизмы обработки информации, благодаря которым культура может направлять восприятие, память и интерпретацию. При этом активация схем опосредуется внешними сигналами и «подсказками» среды, укорененными в физическом и социальном окружении (DiMaggio 1997). Важный эффект этой теоретической программы заключается в том, что психология ментальных структур начинает рассматриваться как возможный микрофундамент для социальных институтов (стоит отметить, что ДиМаджио является также одним из создателей «нового/социологического институционализма» (Powell, DiMaggio 1991)). Типизации, влияющие на восприятие и действие, оказываются поразительно близки к тому, что социологи описывают как институционально закрепленные порядки (DiMaggio 1997; Powell, DiMaggio 1991; Бергер, Лукман 1995).

Несмотря на то что ДиМаджио не критикует проект Зерубавеля, последующие представители направления «социология культуры и познания» развили две линии атаки на Ратгерскую школу. Представители первой отталкиваются от наследия теории практик Пьера Бурдье. Они фокусируются на проблеме «социологизма» как объяснения социального исключительно социальным в духе дюркгеймианской традиции, а также неправдоподобной простоты модели человека, на которой базируется социология. Согласно этому направлению, значительная часть когнитивной работы переносится на практику и внешние опоры (материальную среду, институты-как-конвенции, символические объекты), которые позволяют поддерживать упорядоченные модели поведения даже при когнитивной несогласованности на микроуровне (Lizardo, Strand 2010; Zucker 1988). В этом подходе важнейшей задачей становится описание действий и их упорядоченности через быстрые и нерефлексивные схемы действий, усвоенные в коллективе (Bourdieu 1990; Lizardo, Strand 2010).

Вторая линия критики использует когнитивистски ориентированные аргументы и направлена против допущения, согласно которому «группы» неизбежно имеют единое психологическое содержание, то есть, относясь к какой-либо группе (например, протестанты), индивиды обязательно будут похожи друг на друга, например, по характеру. Под сомнение ставится сама идея «общих рамок» как требования о разделяемости членами группы какого-либо смысла/ценности/интерпретации (Turner 2014). Дополнительно на этом фланге усиливается критика дюркгеймианской модели,

согласно которой базовые категории мышления имеют социальное происхождение. Исследования когнитивного развития младенцев и детей показывают, что ряд протокатегорий (пространство, время, причинность и т.п.) не может быть полностью объяснено через социализацию и коллективные представления. По-видимому, они являются биологически обусловленными (Bergesen 2004b, 2004a; Девятко 2015). В радикальных версиях этого подхода звучит призыв согласовывать социологические построения с когнитивными моделями психологов, иначе социология рискует и дальше работать с моделью познания индивида, противоречащей данным о работе мозга (Strydom 2007; Turner 1994, 2007; Девятко 2015; Шариков 2020). При этом даже в рамках биологизаторской критики остается пространство для социологической постановки вопроса — спор лишь смещается в сторону вопроса границ применимости социологического анализа и того, в какой момент социологическая интерпретация должна уступить место психологической или биологической (Bergesen 2004b; Ignatow 2021; Девятко 2015).

Эта полемика выливается в более общий удар по традиционным теориям социального действия, опирающимся на представление о сверхсоциализированном индивиде (Грановеттер 2002). Если убеждения/ценности/другое-обобщенное в индивиде неоднородно, варьируется от контекста и не указывает в одном направлении, но практические действия индивида остаются неизменными, то обобщенные категории не могут являться «двигателем» действия и сами должны быть объяснены (Vaisey 2014). В этом смысле критика социологистских моделей дополняется эмпирическими сомнениями в существовании страновых «культур» как целостных образований. Исследования показывают, что различия в ценностях могут сильнее варьироваться между индивидами внутри страны (Fischer, Schwartz 2011), чем между странами, что проблематизирует саму идею культуры как стабильного странового профиля (Martin, Lembo 2020). Из этих предпосылок вытекает требование заново определить, от чего должна отталкиваться когнитивная социология — не от социологистских больших категорий, а от ограничений и механизмов познания конкретного индивида при его взаимодействии с другими.

Первым таким основанием становится тезис о когнитивной ограниченности и «когнитивной нищете» (*cognitive misery*). Если культура действительно представляет собой большую комплексную сеть значений, то в таком виде она просто не может «поместиться» в разуме индивида (Lizardo, Strand 2010; Martin 2011). Здесь важен классический мотив о малой ёмкости памяти (Swidler 1986), иллюстрацией которого является известное наблюдение о «семи плюс-минус двух» элементах, которые человек может одновременно удер-

живать в кратковременной памяти (Cowan 2001; Lizardo, Strand 2010). Отсюда, даже если индивиды «знают» многое, реально они способны удерживать в активном использовании лишь небольшую часть культурного материала, а значит, культура/социальное не может работать как целостный внутренний код поведения (Vaisey 2014). Параллельно с этим утверждается критика парсонсианской модели социализации. Представление о том, что индивид интериоризирует огромное количество правил и связей, оказывается когнитивно неправдоподобным — люди не могут усваивать и постоянно поддерживать высокоструктурированные символические системы как внутренние причины действия (Martin 2010; Swidler 1986, 2001). Это ведет к предложению об экономной теории познания — необходимо понимать индивида исходя из известных ограничений памяти и внимания, а не от идеализированной картезианской модели рационального разума или тотально социализированного агента (Brekhus, Ignatow 2019).

Второе основание связано с различением автоматического и делиберативного мышления (Vaisey 2009). ДиМаджио фиксирует, что рутинное повседневное мышление во многом опирается на имплицитные и быстрые схемы, тогда как рефлексивные, вербализованные и медленные операции осуществляются лишь при определенных условиях (D'Andrade 1995; DiMaggio 1997). Он формулирует ключевой вопрос — почему и когда люди переходят к рассуждению? В качестве возможных триггеров он обозначает направленное внимание, мотивацию и сбой схемы, т. е. ситуации, когда привычная схема не соотносится с практикой (DiMaggio 1997). В более общем виде именно это различение становится центральным для понимания социального действия, как принципиально раздвоенного между рефлексивным (и более рациональным) планом и его нерефлексивной альтернативой (Vaisey 2009).

Третья опора — работы Пьера Бурдье как ключевой теоретический ресурс для связки социологии и когнитивных наук. Его теория практик предлагает модель социализации как приобретения «воплощенных» схем действия, хранящихся в процедурной памяти и проявляющихся как навык, — агенты знают больше, чем способны эксплицировать, а систематичность следует искать на уровне практики, интуиции и «быстрых» решений (Bourdieu 1990). Это хорошо согласуется с идеей, что когнитивная работа не должна целиком «помещаться» внутрь агента: значительная часть порядка может поддерживаться внешними структурами среды и институтами, которые предоставляют актору опоры поведения (Lizardo, Strand 2010; Zucker 1988). Это, в свою очередь, открывает путь для легитимного включения теорий воплощенного познания в социологический арсенал (см. ниже). В этом смысле габитус выступает

как теоретический механизм, который удерживает телесность и нерефлексивность (Bourdieu 1990; Lizardo 2004). Более того, часть теоретического аппарата Бурдье связана с традициями психологии развития и ранней когнитивной психологией, что делает бурдьевистскую рамку особенно удобной для междисциплинарного перевода (Lizardo 2004; Piaget 1970). В этом контексте появляются и попытки объяснять практики в том числе на нейронном уровне. Например, через «воплощенную симуляцию» и зеркальные нейроны как потенциальный механизм имитации, эмпатии и интерсубъективности, важный для усвоения и институционализации практик (Iacoboni 2009; Turner 2007). Отдельно стоит отметить, что связь культуры и когнитивных механизмов проявляется и на уровне моральных метафор — обсуждение чистоты и грязи как схемы моральной категоризации связывается с устойчивыми и когнитивно-универсальными способами классификации мира (Lizardo 2012; Rozin et al. 2009; Schnall et al. 2008).

В итоге культур-социологическая традиция когнитивной социологии консолидируется вокруг необходимости создать социологически содержательную и когнитивно правдоподобную теорию культуры и действия. Ее представители отказываются от образа индивида как носителя целостных кодов и ценностных систем, вводят ограничения когнитивной ёмкости как базовую предпосылку объяснения, делают различие автоматического и делиберативного познания центральным для концептуализации индивида, и используют наследие Бурдье как мост между практическим, воплощенным социальным действием и механистическими моделями когнитивных наук (Bourdieu 1990; DiMaggio 1997; Lizardo, Strand 2010; Martin 2011; Vaisey 2009).

Однако и эта традиция, особенно в ее более механистически ориентированных версиях, не осталась без критики. Важным ее направлением стало указание на утрату теоретической автономности социологии при стремлении к когнитивной правдоподобности. Так, Дмитрий Куракин указывает на проблему в ряде версий подхода — предполагается, что культурные и социальные формы воспроизводят когнитивные структуры. Однако нет достаточных оснований считать такой принцип априорным или универсально приоритетным «направлением связи». Это эмпирический вопрос, требующий доказательства, а не предпосылка теории (Куракин 2020). Эта критика затрагивает и онтологический статус социального. По Куракину, в некоторых вариантах «сильного» когнитивизма культура и социальное фактически редуцируются к передаче информации в кибернетической системе, а социальное трактуется как производное от биологических и психических процессов, а не как эмерджентная реальность *sui generis*. Между тем, хотя культура невозможна

без когнитивных механизмов ее обработки, ее принципы и законы не должны полностью выводиться из законов работы мозга: даже будучи укорененной в когнитивных процессах, культура не сводится к ним и обладает собственными закономерностями (Kurakin 2020). Важно, что такая позиция открывает возможность обратного вклада социологии в когнитивные науки — не только как дисциплины, заимствующей механизмы, но и как области, способной объяснить мышление социальными процессами. Другие, более узкие, линии критики (жесткая дихотомичность теории двойного процесса, недостаточное внимание к эмоциям и др.) — будут упомянуты ниже в ходе описания соответствующих моделей и теорий.

Ключевые теории и модели в рамках когнитивной социологии

В этом разделе мы показываем, что ядро когнитивной социологии формируется вокруг ограниченного набора концептов. Эти концепции представлены в общем виде, вариативность их версий и дискуссии мы сознательно опускаем, чтобы дать более целостную картину направления. При этом важно отметить, что многие различия внутри поля носят не столько взаимоисключающий, сколько акцентный характер.

Основное внимание будет уделено линии культуры и познания. Концепциями, составляющими ядро направления, мы считаем концепт «схема», модель двойного познания и 4E-мышление (4E-cognition). Каждая из этих концепций будет рассмотрена на предмет теоретических предпосылок и допущений, основных идей, а также методов и исследовательских стратегий, с помощью которых соответствующие идеи операционализируются в эмпирических работах. В завершении мы рассмотрим теоретический «общий знаменатель» для анализируемых подходов — важность ситуации в социальном действии индивида. Мы показываем, как «ситуационизм» может являться ключевым элементом для сборки современной когнитивной социологии.

Схемы

Современное понятие схем или схемат (*schema* или *schemata*) восходит к аналогичному кантовскому понятию, где схема представлялась как посредник между чувственным опытом и понятием, как «рамка», через которую многообразие опыта преобразуется в формы познания (Кант 2015). В психологии идея схемы появляется одновременно с зарождением дисциплины, однако ее подробная концептуализация была реализована только в XX в. Так, Фредерик Бар-

лет описывал схему как перцептивный фильтр, формирующийся у человека после определенного опыта и усиливающийся последующими переживаниями, которые человек воспринимает аналогично (Leschziner, Brett 2021). У Жана Пиаже этот мотив разворачивается в другой традиции — схемы связываются с развитием и перестройкой когнитивных структур в ходе взаимодействия с миром (Piaget 1970).

В социологии «схема» в современном значении появляется у Аарона Сикуреля (1981), а затем становится заметным концептом в корпусе когнитивной социологии в 1990–2010-е годы, где схемы начинают обсуждаться как базовый компонент архитектуры мышления Типа 1[1] в связке с культурой, действием и объяснением социальных различий (Wood et al. 2018).

Существует множество определений схемы. В самом общем виде — это ментальные структуры, упрощающие понимание мира. Они позволяют достраивать недостающую информацию, ориентироваться в неоднозначности и действовать в мире, используя автоматическое познание без постоянной рефлексии (Cerulo 2010; Leschziner, Brett 2021). Большинство концептуализаций схем можно свести к двум типам (Boutyline, Soter 2021). В первом схема предстает как структура знания, которая репрезентирует объект или событие и обеспечивает набор предположений «по умолчанию» о его свойствах (*default assumption*), отношениях и последствиях в условиях неполной информации (DiMaggio 1997, 2002). Это объяснение функциональное, то есть фокусируется на том, какую роль выполняют схемы. Второй тип концептуализаций — алгоритмический, и связан с устройством явления. В нем схема — это набор имплицитных ассоциаций, связанных с объектом (Cerulo 2010; Leschziner, Brett 2021; Vaisey 2009). Иногда схему также описывают как структуру памяти, в которой заложены прототипические черты объекта или ситуации, с которыми сопоставляется реальный феномен (Wood et al. 2018).

Важно отметить общие свойства схемы, приписываемые ей большинством когнитивных социологов. Она должна быть пластичной и обновляемой опытом, а также достаточно устойчивой, чтобы обеспечивать узнавание ситуации и воспроизводимость реакции (Boutyline, Soter 2021). Например, схемы описываются как структуры памяти, приобретаемые и обновляемые автоматически (Wood et al. 2018), или как недекларативные сети связей, которые складываются в течение жизни человека, за счет которых он оказывается способен представлять типичные ситуации и способы действовать

1 Подробнее см. раздел «Теория двойного процесса познания».

в них (Taylor, Stoltz 2020). В обзорах, кроме того, подчеркивается, что в эмпирической литературе термины культурной, моральной и когнитивной схемы нередко используются пересекающимся образом, однако такая практика сглаживает аналитические различия между ними (Rotolo 2022).

В попытке выстроить общий язык вокруг концепта схем с психологией, социологи оказываются вынуждены частично пересмотреть важный принцип — объяснение социального социальным. Часть схем, по-видимому, носит универсальный характер и могут объясняться из антропологической, психологической или биологической перспектив. Одной из самых известных в социологии универсалий можно назвать отношения «чистоты» и «грязи» у Мэри Дуглас, где «чистота» понимается как упорядоченное, а «грязь» — как неуместное (Дуглас 2000), и в более общем виде это можно представить как соотношение морального порядка и беспорядка (Lizardo 2012). Другой пример — в большинстве исследованных культур метафоры к словам «верх»/«низ», «спереди»/«сзади» основаны или связаны с организацией человеческого тела (Lakoff 2005; Lakoff, Johnson 2008). В этой связи возникает одна принципиальная оговорка. Если некоторая схема действительно универсальна (притом что конкретное ее наполнение может культурно варьироваться), ее происхождение нельзя объяснить социальным научением. Это, в свою очередь, значит, что социальные/культурные схемы, на которых «специализируется» социология, напротив, должны быть не универсальны, а контекстуальны (Boutyline, Soter 2021). В таком случае задача когнитивных социальных исследователей, среди прочего, состоит в том, чтобы прояснить границы универсальных и культурных/социальных схем.

Как возможно объяснить разнообразие этих схем? По мысли представителей направления, в сетях ассоциаций, образующих схему, есть «узлы», т. е. концепты более важные, имеющие бóльшую семантическую значимость по сравнению с другими и удерживающие сеть в стабильном состоянии. В результате схема варьируется между сообществами, поскольку у разных групп могут отличаться ключевые семантические «якоря» (Hunzaker, Valentino 2019). На практике это ведет к тому, что вопрос «разделяют ли индивиды схему?» превращается в вопрос о том, насколько у них сходна структура смысловых связей и какие элементы становятся центрами притяжения интерпретаций в разных «мыслительных сообществах» (Zerubavel 1993; Hunzaker, Valentino 2019; Goldberg 2011).

Если размышлять о схемах как об ассоциативных сетях, то ключевым становится вопрос активации — почему одна схема «срабатывает» в конкретной ситуации, а другая остается неактивной? Ответ сформулирован из коннекционистской перспективы, которая описывает мышление как сеть ассоциаций, где стимулы активируют

паттерны из цепочек репрезентаций и связанных с ними нейронов, а смысл кодируется не только в самих паттернах, но и в их отношениях (Rumelhart et al. 1986). Это объясняет, почему активированный концепт (например, солнце) тянет за собой связанные элементы (например, теплое) — распознавание строится на достраивании целостной картины из частичных сигналов.

Говоря социологически, это значит, что следует искать внешние маркеры, сигналы физической и социальной среды, которые включают одни культурные схемы и выключают другие, обеспечивая стабильность социального действия с течением времени (DiMaggio 1997, 2002). Такие маркеры иногда описывают в более общем виде как фреймы (Wood et al. 2018) или, более узко, как «праймеры» (*primer*), когда представление концепта (иногда неявное) повышает доступность родственных идей в силу их связанности с определенной схемой (Cerulo 2010).

Изучение сетей концептов базируется также на идее «мышления по аналогии» и прототипических моделях. В последних мышление об объекте происходит через соотнесение его с «прототипом»/«архетипическим примером» по степени сходства (Cerulo 2010; Rosch 1978). Такая организация понятий порождает асимметрию — «лучший пример» категории оказывается когнитивно привилегированным, а все, что отступает от идеала, легче маргинализируется и хуже удерживается в активном рассмотрении (Cerulo 2010). В результате в повседневной жизни индивиды, например, чаще отталкиваются от наилучших сценариев, а негативные и катастрофические варианты получают меньшее внимание. Именно через такую асимметрию можно объяснять, например, слабую подготовленность к катастрофам, когда «худший вариант» систематически недооценивается при планировании как на персональном уровне (Cerulo 2006), так и на уровне больших организаций (Vaughan 1996).

Еще одно последствие «якорных» концептов — механизм закрепления интерпретаций. Например, в случае экологических рисков рутинные взаимодействия и привычные формы жизни могут мешать жителям распознавать нарастающую угрозу. Схемы поддерживают и сохраняют рутину, даже если она представляет опасность для жизни (Auyero, Swistun 2008). Все это встраивается в общий тезис — схема активируется не как инструмент, который субъект использует по желанию, а как последовательность связанных репрезентаций, автоматически «вызывающих» одна другую (Vaisey 2009).

В этом контексте вслед за Омаром Лизардо (Lizardo 2017) стоит отметить, что следует различать персональную и публичную культуры, где персональный опыт (т. е. схемы) не тождествен внешнему, публичному дискурсу. О последнем можно говорить как о системах публичных классификаций. Классификация — это внешняя систе-

ма организации концептов и объектов, а также правил их соотнесения, закрепленная в институтах, практиках и артефактах, которая организует мир через категории, границы и иерархии (Shepherd 2010; Sokal 1974). Классификации постоянно входят в резонанс со схемами — внешние классификационные правила и категории задают «рамки» для интернализации, а интернализированные схемы, в свою очередь, обеспечивают привычность, «естественность» и воспроизводимость применения классификаций в повседневной практике (Cerulo 2010; Lizardo 2017; Shepherd 2010). Так, внешние классификации — категории, формуляры, рейтинги — мы интериоризируем и дальше размышляем о мире через них (DiMaggio 1997; Shepherd 2010). В результате схемы становятся внутренней (индивидуально интериоризированной человеком) стороной публичных классификаций, образующих своеобразный пинг-понг между внешним миром и схемами. Так, индивид может создавать собственные системы классификаций (например, делая пост с лучшими песнями за год в социальных сетях), невольно проецируя в них свои ассоциации, представления и схемы, и при этом интериоризировать множество других внешних классификаций (посты с лучшими песнями за год от музыкальных журналистов).

Публичные классификации также связаны с отношениями власти. Классификационные системы не только описывают мир, но и задают правила распознавания, закрепляя границы, иерархии и санкции за нарушения (Shepherd 2010). После усвоения классификации усиливают восприятие однородности внутри категорий и неоднородности между ними, то есть делают мир более «четким» ценой потери нюансов (Zerubavel 1996), а множественная или неоднозначная категоризация часто оказывается сопряжена со «штрафами легитимности» — негативными для индивидов или организаций последствиями из-за несоответствия публичным классификациям, разделяемым аудиторией (Zuckerman 1999).

Важный социологический аргумент состоит в том, что культурные схемы усваиваются и распределяются неравномерно (Zerubavel 1993). Например, восприятие пространств как «опасных» и требующих больших мер для охраны варьируется между разными группами чиновников (Серебренников 2024), а этнические стереотипы обретают ареалы, различающиеся по повседневному опыту столкновения с представителями разных этнических категорий (Варшавер 2024). Благодаря этому схемы можно использовать для выявления и различения «мыслительных сообществ». При этом фактическая внутригрупповая однородность схем не гарантирована — стиль мышления участников группы также может различаться, а ключевым источником согласованности дискурса могут становиться элиты, обладающие непропорциональной властью производить

и стабилизировать публичный дискурс и системы классификаций. Например, в анализе профсоюзных дискуссий согласованность риторики и аргументов могла поддерживаться не «общими убеждениями» протестующих, а структурой коммуникации и властью навязывать свои классификации в сообществе (Ignatow 2004).

В результате в теориях когнитивных социологов схема выступает как когнитивный «мост», объясняющий устойчивость практик и предлагающий способы эмпирической «поимки» нерефлексируемых структур (Kaidesoja et al. 2022; Vaisey 2009).

Главная сложность понятия схемы — его концептуальная размытость. Существует избыток сложносинхронизируемых (Leschziner, Brett 2021; Swidler 2001; Vaisey 2009) определений, которые часто используют одни и те же слова для разных теоретических объектов (Boutyline, Soter 2021; Leschziner, Brett 2021). Это создает риск того, что «схема» становится заменителем культуры вообще, удобным ярлыком, который объясняет слишком много и слишком мало одновременно (Leschziner, Brett 2021). Эта судьба постигла интересующий нас концепт в психологии, где с 1990-х интерес к схемам ослабевает именно из-за чрезмерно расширительного употребления (Boutyline, Soter 2021).

Размытость и теоретическая перегруженность понятия схемы указывает на ограниченность объяснений, построенных исключительно вокруг внутренних когнитивных структур. Даже в наиболее строгих операционализациях схемы остаются реконструкцией, а не наблюдаемым объектом. Это делает необходимым смещение аналитического фокуса — от схем как абстрактных структур к ситуациям, в которых они активируются, получают значение и направляют действие. Такой переход позволяет связать когнитивные процессы с контекстом их реализации и избежать редукции объяснения к внутренним ментальным механизмам.

Даже при ясной инструментальной концептуализации эмпирическая фиксация схем остается трудной проблематикой — это ведет к вопросу о том, как социологи изучают схемы.

Подходы к изучению схем

Подходы к изучению культурных когнитивных схем различаются прежде всего в зависимости от того, какой тип эмпирического следа схемы оказывается в фокусе исследования. Поскольку схема не наблюдается непосредственно и не имеет очевидного материального коррелята, исследователь вынужден реконструировать ее по косвенным проявлениям: речевым формулировкам, классификационным решениям, реакциям на стимулы, ассоциациям, ошибкам, скоростям ответа, текстовым регулярностям и динамике воспроиз-

водства смысловых связей. Поэтому вопрос состоит не в том, какой метод «измеряет схему» как таковую, а в том, какой аспект схемы он позволяет реконструировать: как схемы хранятся (т. е. как устроено хранение классификаций и сетей ассоциаций между элементами), как они активируются в конкретных контекстах и как они распространяются и воспроизводятся в коммуникации и текстах.

Первый тип методов связан с элицитацией и другими процедурами предъявления стимулов. В этих дизайнах исследователь не только спрашивает информанта о его представлениях, но и помещает его в ситуацию применения схемы: предлагает классифицировать людей, изображения, тексты, ситуации, предметы, карточки, виньетки или последовательности событий. Элицитационные процедуры занимают промежуточное положение между качественным интервью и экспериментом: они сохраняют возможность подробного разговора о смыслах, но одновременно позволяют наблюдать, как схема активируется при столкновении с конкретным материалом (Weller, Romney 1988; Bernard 2011; Harper 2002; Ryan, Bernard 2003).

Второй тип методов можно назвать ассоциативно-экспериментальным. Общая логика этих методов состоит в том, что связь между элементами схемы проявляется в легкости совместной обработки: если два понятия, образа или категории связаны сильнее, их совместная классификация осуществляется быстрее, точнее или с меньшим количеством ошибок. Эти методы позволяют количественно оценивать силу ассоциаций, сравнивать группы и проверять гипотезы о наличии конкретных связей в схеме (Miles 2019).

Третий тип методов связан с опросами и стандартизированными измерениями. Эта логика особенно важна для рецепции двупроцессной модели мышления в социологии культуры, где опросные ответы могут рассматриваться не столько как артикулированные мнения, сколько как следы практических, нерефлексивно работающих моральных и культурных схем (Vaisey 2009).

Четвертый тип методов связан с анализом текстов, сетей и больших массивов естественного языка. В эту группу входят качественный анализ текстов, семантический и нарративный анализ, сетевое моделирование ассоциаций, методы обработки естественного языка, word embeddings, WEAT, анализ семантического дрейфа, тематическое моделирование и симуляции культурной передачи. Эти методы позволяют изучать не столько индивидуальную схему как таковую, сколько публично доступные и социально распределенные регулярности: какие слова и категории оказываются близки друг к другу, какие смысловые связи устойчиво воспроизводятся в корпусах, какие элементы становятся центральными узлами семантических сетей и как сообщения смещаются к более конвенциональным культурным аттракторам при повторной реконструкции.

Пятый тип методов можно обозначить как вербально-интерпретативный. Сюда относятся глубинные интервью, фокус-группы, анализ нарративов, биографических рассказов, объяснений, аргументаций и народных теорий. Эти методы позволяют реконструировать содержание схем: какие категории используются, какие признаки считаются релевантными, какие связи между элементами устанавливаются, какие исключения признаются возможными, какие объяснения и оправдания кажутся самоочевидными. Их преимущество состоит в чувствительности к внутренней сложности схемы и к тому, как сами акторы связывают разные элементы социального мира.

Наконец, отдельно следует выделить динамические и трансмиссионные дизайны, в которых исследователь изучает не только содержание схемы, но и ее воспроизводство, изменение и стабилизацию в коммуникации. Сюда относятся эксперименты и симуляции культурной передачи, пересказы, «испорченный телефон», исследования схематически согласованных искажений, а также компьютерные модели, где сообщение многократно реконструируется при потере части информации. В таких дизайнах схема проявляется не только как набор связей, но и как механизм отбора: одни элементы сохраняются, другие исчезают, третьи достраиваются в направлении более привычных и культурно доступных конфигураций. Исторически эта логика восходит к Бартлетту, для которого память была не воспроизведением исходного материала, а его реконструкцией в соответствии с уже имеющимися способами организации опыта (Bartlett 1932). Позднее сходная логика использовалась в исследованиях серийного воспроизводства стереотипов и культурных искажений (Kashima 2000), а в современной когнитивной социологии — в работах о схематически согласованных искажениях и культурных аттракторах (Hunzaker 2016; Boutyline et al. 2021). Эта линия особенно важна для социологии, поскольку позволяет переходить от индивидуальной когнитивной организации к вопросу о воспроизводстве публичной культуры и социально разделяемых смысловых структур (Boutyline 2017).

Разберем приведенные типы детальнее. Начнем с экспериментальных методов, заимствованных из социальной психологии, которые используются для детекции сети ассоциаций, локализующихся в мышлении Типа 1. Они различаются тем, какой именно индикатор ассоциативной связи используется: (1) легкость соотнесения категорий и скорость классификации или (2) неосознанный перенос.

Один из популярных инструментов в первом блоке подходов — Implicit Association Test (IAT). Его базовая идея опирается на коннекционистское представление о памяти — если два понятия тесно

связаны, то активация одного облегчает активацию другого, а это проявляется в более быстром выполнении задания (Rumelhart et al. 1986). Например, слово «азиат» за счет стереотипа (схемы) может облегчать появление идеи «хорош в математике» (Miles 2019). В тесте IAT испытуемым показывают слова, принадлежащие к двум наборам разных категорий (в примере выше это «азиат» и «математика»), и они должны быстро распределить элементы обычно по двум категориям. Различия в скорости и точности трактуются как индикаторы силы связи между концептами (Greenwald et al. 1998; A. Miles, 2019).

IAT позволяет не только фиксировать конкретные ассоциации, но и сравнивать ассоциации и их сети между сообществами. Самым известным примером этого является Project Implicit[1], который с 1998 года собирает информацию о различных тестах на имплицитное мышление (IAT) в режиме онлайн-тестирования от пользователей со всего мира по широкому кругу тем. Данные доступны для скачивания и анализа.

При всех достоинствах IAT в классическом виде требует значительного числа проб (часто более сотни), что ограничивает его применимость в полевых дизайнах. При ограниченном времени испытания предлагается использовать Brief IAT (BIAT) — он сохраняет логику парных контрастных конструктов, но заметно сокращает и упрощает процедуру, обычно занимая меньше времени, при этом удерживая многие психометрические свойства исходного теста (Sriram, Greenwald 2009). Эта «компромиссная» форма важна именно для социологических дизайнов, где IAT скорее необходим как один из составляющих, а не самоцель исследования.

Альтернативным способом исследовать сети ассоциаций является Concept Association Task (CAT). Исследователь задает набор понятий (обычно не больше 25), между которыми хочет установить отношения. Испытуемым показывают случайные пары этих понятий и просят быстро указать, есть ли между ними связь или нет (характер связи может оставаться неопределенным, важен сам факт). Так испытуемые должны попарно соотнести все предложенные понятия. Из получившейся матрицы связей строится граф для последующего анализа методами сетевого анализа. Контролем на рефлексивное соотнесение является скорость, с которой испытуемые соотнесли пару понятий (Hunzaker 2016; Hunzaker, Valentino 2019).

Вторая логика измерения отталкивается от идеи, согласно которой аффективная реакция на стимул «переносится» также и на по-

1 Project Implicit. URL: http://www.projectimplicit.net/ (дата обращения: 10.02.2026)

следующие стимулы. Один из популярных методов для подобных измерений — Affect Misattribution Procedure (AMP). AMP фиксирует аффективный перенос. Участнику быстро предъявляют стимулы, связанные с интересующей категорией, затем нейтральные изображения (часто пиктограммы), и просят оценить нейтральный стимул как приятный/неприятный (или в иных дихотомиях). Предполагается, что аффект от первого стимула сохраняется и ошибочно приписывается нейтральному, а доля ответов «приятный» по категориям стимулов служит оценкой отношения. Если изначально принять идею, что замер аффектов через прямой вопрос работает с мышлением Типа 2, то есть, по определению, не «дотягивается» до схем, AMP оказывается полезным решением. Его, кроме того, можно адаптировать под широкий спектр социологических вопросов — связей между товарами и «элитарной культурой», гендером и властью, этничностью и состоятельностью и проч. (A. Miles 2019; K. Payne, Lundberg 2014).

Помимо тестов на имплицитные ассоциации и аффективный перенос, есть экспериментальные стратегии, которые реконструируют автоматизм через привычки. В одной логике исследователи напрямую спрашивают о степени автоматичности повседневных действий в списке (Self-Report Habit Index), в другой ставят испытуемого в ситуацию, из которой он будет выходить скорее привычным способом. Например, испытуемые сначала должны перечислить типичные и нетипичные способы достижения повседневной цели (например, «пообедать»), после чего исследователи составляют пары «цель-поведение» из типичных и нетипичных отношений (например, «пообедать — открыть холодильник» или «пообедать — выйти на улицу») и просят испытуемого быстро оценить, подходит ли определенное поведение X для достижения цели Y (Danner et al. 2011; A. Miles 2019). Время реакции и точность ответов интерпретируются как показатели силы ассоциативной связи между целью и действием, позволяя выявить структуру соответствующей схемы.

У всех представленных дизайнов есть общее ограничение — индикаторы автоматизма (например, скорость реакции) действительно повышают вероятность того, что мы фиксируем процессы Типа 1, но редко позволяют исключить рефлексивное и деливеративное мышление Типа 2, альтернативные процессы без дополнительных условий и проверок (A. Miles 2019). Такая оговорка важна также и потому, что в описании других методов (опросы, NLP и проч.) проблема остается структурно той же, хотя и проявляется несколько иначе.

Социологические опросы часто рассматривают как инструмент, который (при определенных условиях) дает доступ к автоматическому уровню познания. Аргумент, известный из дискуссий о двойном познании, строится на предполагаемой быстрой скорости ти-

пичного ответа на закрытые вопросы. Из-за ограничений времени и слабой вовлеченности респондент выбирает наиболее приемлемый вариант нерефлексивно. В этом смысле опросы могут фиксировать не столько развернутые дискурсивные объяснения, сколько устойчивые интуитивные предпочтения и ассоциации, в отношении которых индивид может чувствовать, что они «правильные», будучи при этом не способным развернуть ответ в последовательный нарратив (Vaisey 2009, 2014).

В современной критике, однако, подчеркивается, что ответы в опросах скорее являются не «извлечением» заранее готовых установок, а сборкой временных конструкций из ограниченного набора доступных соображений. Из-за высокой когнитивной нагрузки поиск релевантных аргументов и их интеграция часто подчиняются принципу «удовлетворения» — индивиды прекращают поиск, как только находят «достаточно хороший» вариант. Поэтому опросы легко выявляют ситуативно зависимые, частично случайные и потенциально предвзятые сборки, а интерпретировать их как прямой доступ к схемам следует осторожно (Boutyline, Soter 2021).

На этом фоне особое значение приобретают опросные методы, направленные не на фиксацию отдельных установок, а на выявление структуры связей между элементами рассматриваемой области. Подходы вроде Relational Class Analysis и Correlational Class Analysis группируют респондентов не по сходству ответов, а по сходству отношений между ними. Это означает, что даже при противоположных оценках два человека могут разделять одну и ту же схему, если они одинаково соотносят элементы между собой (например, воспринимают одни явления как противоположные другим). Работая со шкалированными данными, такие методы позволяют различать «позицию» и «схему»: первая отражает конкретные оценки, тогда как вторая задает способ организации различий между объектами (Boutyline 2017, 2022; Boutyline, Soter 2021; Goldberg 2011).

Проиллюстрируем это на примере политической ориентации. Представим, что один индивид придерживается радикально правой политической позиции, а другой — радикально левой. В этом случае, несмотря на разную ориентацию, оба индивида разделяют одну политическую схему и занимают в ней одну и ту же (крайнюю) позицию. То есть два человека могут придерживаться противоположных позиций, но все равно «разделять» схему, если их ассоциации и представления организованы сходным образом, то есть они согласны в том, какие измерения значимы и как эти измерения соотносятся (Goldberg 2011; Hunzaker, Valentino 2019). Это, в частности, может объяснять, почему индивиды, занимающие разные и крайние стороны политического спектра, могут быть схожи между собой (Brandt et al. 2014). В логике когнитивной социологии разделяемость

схемы представляет больший интерес, чем позиция индивида внутри нее (Hunzaker, Valentino 2019).

Исследования схем проводятся также и с использованием качественных методов. Данные интервью, наблюдений и фокус-групп обычно рассматриваются как пространство, где схемы проявляются в речи/тексте через устойчивые словосочетания, телесные образы и привычные способы структурировать объяснение. В этом ключе интервью могут быть полезны для выявления схематических структур через метафоры (например, описанные выше телесные метафоры), которые информанты используют, делая опыт осмысленным (Stoltz 2025). Важно, однако, не смешивать здесь «видимость» схемы и «автоматизм» ее работы — нарратив чаще показывает только то, что доступно артикуляции.

Эта тонкость хорошо заметна, если обратить внимание на ситуации, когда привычные образы комбинируются нестандартно и заставляют адресата «додумывать» смысл. Здесь уместна идея синтаксического отклонения: неожиданные сцепления знакомых образов оказываются эффективным стимулом для выявления схем, потому что требуют интерпретации и связанного с ней когнитивного усилия, и, таким образом, делают видимой работу схемы (Cerulo et al. 2021). Для социолога это важно не потому, что «отклонение» активирует Тип 2, а, наоборот, потому что позволяет увидеть, как Тип 1 «ломается», а значит — понять, как он устроен.

Благодаря прогрессу в нейросетевых технологиях для исследователей открылись широкие возможности по анализу текстов с помощью методов обработки естественного языка (NLP). В начале 2020-х гг. сразу в нескольких работах когнитивных социологов появилась идея, что нейросети (в частности, большие языковые модели, англ. *Large Language Models*, далее — LLM) могут стать инструментом исследования схем. Объяснялось это тем, что в той мере, в какой написание текстов — это рутинная операция, можно предположить, что это происходит «с участием» мышления Типа 1, а значит — задействованными оказываются и схемы. И прежде всего это относится не к общему содержанию текста, а к локально выбранным синонимам и ассоциациям, которые используют авторы, считая одни более уместными, чем другие (по аналогии с ситуацией ответа на вопросы в опросе, описанной выше) (Taylor, Stoltz 2020).

Другое объяснение состояло в том, существует концептуальная схожесть между архитектурами нейросетей и аспектами человеческого мышления, описанными посредством коннекционистской модели (Boutyline, Soter 2021; Rumelhart et al. 1986), а значит, второе можно изучать на примере первого, используя его как модель. Один из ключевых аргументов в пользу такого моделирования связан с эффектом завершения паттерна. Если в окружающей среде при-

сутствуют устойчивые паттерны, нейросеть обучается их воспроизводить и «достраивать» недостающие элементы. Если нейросеть видела достаточно много «типичных спален» во время обучения, а затем ей показать изображение комода и тумбочки, то она скорее предложит дополнить их кроватью. Такое завершение паттерна, согласно определениям, является и функцией схемы (Boutyline, Soter 2021; Rumelhart et al. 1986).

На этом фоне векторные представления слов (эмбеддинги, *embeddings*), большие языковые модели и другие способы анализа естественного языка становятся привлекательными как инструменты, которые одновременно являются и методом анализа текстов, и моделью мышления. Арсеньев-Кёлер и Фостер предлагают понимать LLM как модели распределенного представления концептов — это значит, что концепты не локализованы в отдельных элементах, а распределены по множеству взаимосвязанных параметров модели, где значение возникает из их совокупной конфигурации. LLM, кроме того, использует распределенную нейронную сеть, что делает аналогию работающей и на алгоритмическом уровне (Arseniev-Koehler, Foster 2022; Günther et al. 2019). Здесь, однако, важно не забывать о границах интерпретации. Эмбеддинги дают вычислимое семантическое пространство и отношения между словами, а схемы — это теоретическая конструкция для его интерпретации. Онтологически нельзя утверждать, что «эмбеддинги — это схемы» (Boutyline, Soter 2021).

После прояснения самих основ подхода стоит обсудить, как исследователи предлагают изучать эмбеддинги. Один из способов — это т.н. ассоциативный тест встраивания слов (*Word Embedding Association Test*, WEAT) (Caliskan et al. 2017). В нем выделяются «якорные слова» (*anchor words*) — наборы слов, создающих семантические оси (например, «забота»-«вред»). Каждое из них дополняется его синонимами (по словарю). Например, забота дополняется словами: внимание, уход, попечение и т. д. Совокупно для этой группы слов высчитывается средний эмбеддинг. После получения двух таких полярных эмбеддингов они становятся осями координат для последующего анализа слов/текстов по их близости к полюсу «заботы» или «вреда» (Kozlowski et al. 2025; Taylor et al. 2025; Taylor, Stoltz 2020). Здесь, однако, проявляется проблема уровней концептуализации. Слово в конкретном употреблении не обязательно эквивалентно абстрактному «концепту». Ситуацию усугубляют полисемия и языковые игры. Поэтому понятия последнее время предлагается операционализировать как шкалы, построенные из нескольких ключевых слов, а не через одно слово (Boutyline, Arseniev-Koehler 2025).

По сути, этот ход создает аналог опросной батареи, но для текстов: набор осей становится набором «семантических шкал», через кото-

рые можно сравнивать корпуса и группировать тексты по типам репрезентируемых схем. Существуют и более нюансированные способы изучения семантики с помощью такого подхода: изучение направления, проекции, отбрасывания, кластеризации. Для ознакомления с ними предлагаем обратиться к работе Штольца с коллегами (Stoltz 2025). Отдельный аргумент касается того, что семантические признаки в LLM переплетены сходным образом с тем, как они взаимосвязаны в языке, и что существенная часть семантической информации в модели может быть удивительно гомологична ее аналогу в языке (Kozlowski et al. 2025). Как и в предыдущем шаге, это усиливает привлекательность вычислительного подхода, но не снимает необходимости аккуратной операционализации.

Существуют и более «динамические» дизайны такого рода: например, симуляции цепочек коммуникаций (в логике «испорченного телефона»), где на каждом этапе теряется часть информации, а модель заполняет пробелы, смещая сообщение к более конвенциональному, а исследователи затем анализируют, что происходит с содержанием при большом числе итераций (Boutyline et al. 2021). Такие симуляции полезны тем, что переводят «распространение схем» в наблюдаемую динамику. Можно эмпирически фиксировать, что именно сохраняется, что «вымывается», и как усиливаются конвенциональные конструкции.

Оговоримся и о проблеме «слона в комнате» для подобных исследований. Все они делают сильное допущение, что создание текстов преимущественно происходит с использованием познания Типа 1, а значит, текстовая информация несет в себе имплицитные схемы. Однако стоит признать — сходство коннекционистской модели работы познания и устройства нейросетей/LLM не является достаточным основанием для постановки между ними знака равенства и использования одного для изучения другого. Более того, как представляется, нейросети/LLM являются скорее артефактом публичной культуры (Lizardo 2017), несущей в себе систему классификаций, которые могут, но не обязаны соответствовать имплицитным схемам.

Теория двойного процесса познания

В когнитивной и социальной психологии существует устойчивое согласие относительно базовой архитектуры мышления, в которой соприсутствуют как автоматические, так и контролируемые процессы (Gawronski, Creighton 2013; Haidt 2001). Несмотря на разнообразие терминов и теоретических нюансов, большинство психологов и нейробиологов различают два типа мышления: быстрое, автоматическое, и бессознательное (мышление Типа 1), но также медлен-

ное, требующее усилий и сознательных форм обработки (мышление Типа 2). Этот подход также известен как теория двойного процесса познания (англ. *Dual Process Model*) (Brekhus, Ignatow 2019). Эмпирическая поддержка самого существования этой дуальности значительна, однако меньше согласия существует по поводу соотношения между режимами мышления и механизмами их взаимодействия (Cerulo 2010; Leschziner 2019). Одна из популярных метафор, описывающих это соотношение, — «наездник на слоне» (*a rider on the back of an elephant*), где наездник — это рациональное последовательное, деливеративное мышление, а слон — играющее большую роль нерефлексивное мышление. Наездник лишь в ограниченных пределах может управлять слоном, в лучшем случае задавая направление его движения, а скорее постфактум придумывая объяснения, куда и зачем слон пошел. Для понимания интуиции этого различения можно задаться вопросом: как много действий в повседневной жизни вы обдумываете шаг за шагом или, наоборот, сколько действий вы делаете, не обдумывая их? (Haidt 2001; Vaisey 2009).

Мышление Типа 1 описывается как быстрое, параллельное, высокопроизводительное и автоматическое (Strandell 2019). Оно функционирует преимущественно вне осознанного контроля, слабо зависит от когнитивных ресурсов и опирается на ассоциативные структуры — схемы, сценарии, стереотипы, когнитивные шаблоны (Cerulo 2010). Эти структуры позволяют мгновенно распознавать ситуацию, классифицировать объекты и людей, предвосхищать развитие событий и действовать без того, чтобы эксплицитно задумываться о правилах, регулирующих действие в данной ситуации. Такой режим также называют «знание-как», имея в виду комплекс телесных навыков, опыта, научения и проч. В терминах более ранних социально-психологических моделей, он соотносится с эвристическим, «горячим» мышлением (Abelson, Rosenberg 1958; DiMaggio 2002), а в социологической интерпретации — с практическим сознанием и рутинным действием (Bourdieu 1990; Бергер, Лукман 1995).

Мышление Типа 2 — медленное, последовательное, деливеративное, основанное на явном обдумывании правил и требующее контролируемого внимания (Strandell 2019). Оно связано с логическим выводом, анализом альтернатив, абстракцией и способностью пересматривать автоматические реакции. Этот тип сильнее зависит от когнитивных возможностей и навыков индивида, поскольку оказывается более затратным для мышления. В рамках социологического анализа его обычно соотносят с нарративом или дискурсом (Giddens 1984; Vaisey 2009) — пространством артикуляции оснований действий, объяснения происходящего или планирования будущего. Мышление этого типа может корректировать или

временно приостанавливать функционирование автоматических схем (Haidt 2001).

Несмотря на кажущееся новаторство модели, ее истоки без труда можно возвести как минимум к прагматической философии начала XX века. Например, Джон Дьюи различал привычку и обдумывание, а Джордж Герберт Мид — импульсивное и рефлексивное измерения действия (Leschziner 2019; Zielonka et al. 2024). Однако массовые эмпирические исследования и разработка теории начались скорее вместе с когнитивной революцией 1960–1970-х годов. Отдельно стоит отметить школу исследования систематических когнитивных искажений в познании (Kahneman, Tversky 1979; Tversky, Kahneman 1974; Канеман 2014) и их сосредоточенность на изучении эвристик, прайминга, фрейминга, эффекта якоря и проч. Представители этой школы предлагали разделять познание на «Систему 1» и «Систему 2», однако последующая традиция критиковала такие названия как чрезмерно онтологичные. В настоящий момент скорее считается, что существует не два отдельных «разума», а два разных полюса в работе мышления, соотносящиеся сложно и нелинейно. В результате в социологии закрепились более нейтральные названия: «Тип 1» и «Тип 2» (Leschziner 2019; Zielonka et al. 2024).

Опровергая понимание типов мышления как строгой взаимоисключающей дихотомии, исследования показывают, что автоматические и контролируемые процессы нередко протекают одновременно (Moore 2017). В частности, Ванина Лещинер демонстрирует, что акторы могут сочетать оба типа в разных задачах и условиях (Leschziner 2019). Следовательно, различение это является скорее аналитическим, нежели онтологическим.

Одной из первых попыток интеграции модели в социологию стала уже упоминавшаяся выше работа Пола ДиМаджио (DiMaggio 1997). Однако центральное место в дискуссии теория приобрела позднее, вместе со статьей Стивена Вэйзи (Vaisey 2009). Вэйзи показал, что существует зазор между повседневными действиями индивидов и их попытками объяснить причины или планы для этих действий. Изучение практики зачастую позволяет давать лучшие объяснения действий, чем анализ нарративов и дискурса. Теория двойного процесса стала ключом для объяснения этого противоречия. Позднее Вэйзи доработал модель, показав, как происходит динамика переходов между двумя типами познания (Vaisey, Frye 2019).

Параллельно с работой Вэйзи публиковались исследования, показывающие, как теорию двойного процесса познания можно интегрировать с традиционной социологической теорий, прежде всего с наследием Пьера Бурдье (Lizardo 2004). Бурдье (зачастую иносказательно) уделяет много внимания когнитивным основаниям действия, концептуализируя габитус как (среди прочего) результат

длительного телесного научения и практики индивида (Bourdieu 1990; Wacquant 2004). Отталкиваясь от этого, Омар Лизардо стремится продемонстрировать, что габитус, по Бурдье, имеет физиологический коррелят, а именно зеркальные нейроны, которые и обеспечивают постоянное считывание и соотнесение с ситуацией исходя из предыдущего научения (Gallese et al. 1996; Lizardo 2007). Несмотря на существенную критику за фривольное толкование нейронаучного консенсуса (Turner 2007), идея Лизардо создала легитимный «мост» для диалога между социологией и когнитивной наукой, который стал активно использоваться.

Лизардо реинтерпретирует теорию двойного процесса через различение декларативной и недекларативной культуры (Lizardo 2017). Декларативная культура связана с символически опосредованным знанием, закрепленным в семантической памяти и доступным рефлексии. Она формируется через относительно ограниченное число воздействий и хранится благодаря механизмам т.н. быстрого связывания (fast binding) (Smith, DeCoster 2000). Анализ публичного дискурса или индивидуальных нарративов происходит в рамках изучения декларативной культуры. Недекларативная культура формируется через медленное обучение, повторяющиеся паттерны опыта, телесные навыки и перцептивные схемы (Bourdieu 1990; Lizardo 2017; Wacquant 2004). Она сохраняет структуру опыта, а не отдельные эпизоды, и активируется через ассоциативные механизмы. Именно к уровню недекларативной культуры обращаются опросы и исследования установок. При этом два вида культуры существуют в симбиозе. Например, новички полагаются на явные правила и стратегии, когда они начинают приобретать навык (декларативная форма культурного знания), но когда навык выработался и может быть использован автоматически (недекларативное знание), они могут обойтись без этой формы репрезентации. Затем же, исходя из другого уровня понимания предмета, индивиды могут обучать новых учеников, тем самым возвращаясь к декларативной культуре, чтобы передать знание.

Лизардо также вводит различение публичной и персональной культуры. Указывая на необходимость разведения уровней анализа, он показывает, что практики индивидуального уровня несводимы к публичному дискурсу или языку. Их невозможно анализировать одновременно, несмотря на то что и то, и другое в конечном счете существует в мышлении индивида. Как следствие, ценностные исследования критикуются за то, что они зачастую смешивают между собой разные порядки культуры и нарушают уровни объяснения (Martin, Lembo 2020). Например, расхожему объяснению связи между усердием студентов из азиатских стран и конфуцианскими ценностями в этой логике не хватает механизма того, как одно пере-

ходит в другое. Другой пример — регулярное выведение действий людей из нарративов, происходящее, несмотря на описанный выше парадокс несоответствия практики и дискурса на индивидуальном уровне. Лизардо предлагает авторам брать больше ответственности за соблюдение границ при исследовании и интерпретации результатов для недопущения т.н. экологических ошибок (т. е. объяснять индивидуальное коллективным или наоборот) (Lizardo 2017).

Обобщая, для социологов в теории двойного процесса ключевым становится не само различение автоматического и делиберативного познания, а вопрос, как именно они связаны с социальным действием и как происходит переключение между режимами в повседневном взаимодействии — когда сценарии «по умолчанию», заданные скорее биологически и/или социально, уступают место взвешиванию альтернатив и выбору наиболее эффективной линии поведения (Leschziner 2019).

В рамках этой логики ДиМаджио выделяет три механизма сдвига от автоматического к рефлексивному режиму: направленное внимание, мотивацию и «сбой схемы», то есть ситуацию, в которой привычная когнитивная схема не обеспечивает легитимного способа взаимодействия с новыми стимулами (DiMaggio 1997). Такое переключение можно описывать как разрыв привычного потока «само собой разумеющегося», что у Гарфинкеля, например, называется «поломкой здравого смысла» (Garfinkel 2023), а у Странд и Лизардо — несовпадением (mismatch) между практической привычкой и изменившимися условиями среды (Lizardo, Strand 2010). Такое несовпадение делает ситуацию проблематичной и порождает рефлексивность, тогда как совпадение (match) воспроизводит действие без проблематизации (Семовских 2025). К другим триггерам переключения типов познания относят внутренние: эмоции, мотивационные установки, когнитивные ресурсы, расположенность к какому-либо феномену, физическая усталость (Heimer 2001; Семовских 2025), а также внешние, связанные со средой или ситуацией. Так, рутинные, предсказуемые ситуации и «простые» пространства чаще соответствуют доминированию мышления Типа 1, тогда как новые или стрессовые ситуации и визуально «беспорядочные» среды чаще связаны с активизацией Типа 2 (Harvey 2010).

Несмотря на свою популярность, теория двойного процесса не избежала существенной критики. Например, Энн Свидлер считает метафору «наездника на слоне» неудачной, поскольку она воспроизводит дуализм вместо его преодоления (Swidler 2008). Вместо анализа «происхождения» слона и условий формирования автоматических структур исследователи рискуют просто заменить старое картезианское разделение тела и сознания на новое, различающее два типа мышления. В этом смысле, как говорилось, более легитим-

ным является представление двух типов как полюсов грандиента, где один не означает исключение другого (Cerulo et al. 2021).

Другая линия критики сосредоточена на аспектах, которые не схватывает модель двойного познания. Одним из ярких примеров этого являются аффекты. Так, ДиМаджио помимо «автоматического/преднамеренного» познания также предлагал рассматривать «горячее/холодное» познание, как коррелирующее с первым, но все-таки независимое от него (DiMaggio 2002). Это позволяет учитывать эмоциональную вовлеченность независимо от степени рефлексивности индивида в конкретной ситуации.

Спустя 20 лет после предложения концепта стоит сказать, что попытка усложнить модель не прижилась. При этом критической рефлексии в ее отношении становится все больше (Cerulo et al. 2021). Так, согласно критике, модель плохо схватывает сложные переживания, находящиеся на границе осознанного и автоматического, например, медитацию или эстетический опыт (Pagis, Summers-Effler 2021). Неясно, как именно выстраивается баланс двух типов при создании какого-то объекта или креативном производстве (Brett 2022). Модель часто недостаточно чувствительна к коллективным и публичным аспектам культуры, фокусируясь преимущественно на индивидуальной обработке информации (Cerulo et al. 2021). Ставится под сомнение и методологическая новизна теории двойного процесса: как было показано ранее, подобные теории давно существовали до этого в социальной психологии. Текущая их популярность в социологии скорее говорит о «короткой памяти» в академии и недооценке альтернативных социально-психологических теорий (Девятко 2025).

На текущем этапе основной вызов дуальной модели в социологии — отсутствие единой конвенциональной рамки интерпретации и операционализации. Это затрудняет ее превращение в устойчивую исследовательскую программу с проверяемыми гипотезами (Leschziner 2019; Lizardo et al. 2016). Кроме того, это ведет к использованию термина как модного слова (*buzzword*) без понимания самой модели и ее ограничений с последующим применением модели к избыточно широкому спектру феноменов (Lembo, Martin 2022). Именно эта фрагментарность и широта препятствует формированию «нормальной науки» в рамках когнитивной социологии двойного процесса.

Несмотря на продолжающиеся споры, теория двойного процесса познания обладает важным преимуществом. Она дает экономную модель интерпретации несоответствий между рефлексивными и нерефлексивными действиями, комплексную модель индивида. Это, в свою очередь, открывает большое пространство для непротиворечивых объяснений макросоциологических и микромеханистических процессов одновременно.

Исследования в рамках теории двойного процесса

Какие эмпирические исследования проводятся в контексте теории двойного процесса? В исследованиях прослеживаются две принципиально различные методологические стратегии (Leschziner 2019). Первая использует различие между автоматическим и деливеративным режимами как объяснительный механизм — дуальная архитектура принимается как данность и применяется для анализа социального действия, моральных суждений, нарративов или культурных различий. Вторая стратегия, напротив, ставит под вопрос само различение. Ее задача состоит в эмпирическом прояснении соотношения двух режимов — при каких условиях они активируются и можно ли вообще надежно их различить. Иначе говоря, в первом случае дуальная модель объясняет социальное явление, во втором — сама становится объектом исследования.

В рамках первого подхода, например, одновременно проводятся опрос и интервью с идеей, что опрос позволяет обнаружить схемы, использующиеся в рамках мышления Типа 1, а постопросное интервью — «включает» мышление Типа 2, и респонденты зачастую не могут точно объяснить и обосновать, почему они выбрали тот или иной вариант ответа в опросе. При этом важно отметить, что регулярная апелляция к интуиции/чувствам при объяснении выбора ответа указывает не на «проблемы с респондентами», а на недискурсивный характер суждения в ситуации опроса (Vaisey 2009). Устойчивость таких ответов во времени может свидетельствовать о наличии стабильных интернализированных схем.

Другой популярной исследовательской стратегией является анализ текста и нарративов. В одной из первых широко известных эмпирических работ по когнитивной социологии Карен Церуло демонстрирует, что порядок предъявления сообщений структурирует когнитивную реакцию аудитории (Cerulo 1998). Различные типы повествовательных последовательностей о криминальных событиях, например, фокус на жертве или на исполнителе, не просто отражают институциональные нормы, но и запускают разные режимы восприятия текста и его оценки. Определенные последовательности систематически активируют автоматические моральные реакции, что позволяет рассматривать структуру нарратива как эмпирический индикатор когнитивного режима.

Другой пример анализа текстов — это исследование судебных споров Кэрол Хаймер, в котором она показывает, что чрезмерная или недостаточная рутинизация стимулирует целенаправленное мышление, тогда как умеренная плотность рутины связана с автоматизмом (Heimer 2001) и, таким образом, не новизна как таковая, а плотность и насыщенность контекста определяют активацию

режима обработки. Подчеркивается, кроме того, полезность комбинирования разных методов для выявления того, какие сочетания акторов и ситуаций усиливают роль делиберативного мышления (Vaisey 2009).

В рамках второго подхода исследование направлено не столько на анализ действия, сколько на прояснение того, при каких условиях люди действуют автоматически, а при каких — переходят к более рефлексивному мышлению, и можно ли это различие надежно зафиксировать эмпирически.

Одним из наиболее известных инструментов в этой логике является метод диссоциации процессов (*process dissociation*) (A. Miles 2019; B. K. Payne, Bishara 2009). В таких экспериментах испытуемым предлагают выполнять быстрые классификационные задачи, в которых автоматические ассоциации могут либо совпадать с правильным ответом, либо ему противоречить. Например, участникам показывают лица людей разной расы, а затем просят как можно быстрее определить, является ли следующий объект инструментом или оружием. Если автоматические ассоциации влияют на ответ (например, быстрее распознаётся «оружие» после предъявления лица афроамериканца), это интерпретируется как проявление нерефлексивных процессов. Когда же ситуация требует подавить эту первую реакцию и выбрать ответ, противоречащий автоматической ассоциации, предполагается вовлечение более рефлексивного мышления. Таким образом, исследователь не наблюдает «Тип 1» и «Тип 2» напрямую, а реконструирует их вклад через различия в поведении.

Более близкими к традиционной социологии являются так называемые продуктивные методы, ориентированные на анализ процесса создания объектов (McDonnell 2019). В этом случае исследователь наблюдает за тем, как люди совместно выполняют задачу — например, разрабатывают проект, пишут текст или принимают решение — и сопоставляет ход работы с итоговым результатом. В таких наблюдениях можно выделить ситуации, в которых деятельность протекает быстро и без явного обсуждения (участники «знают, что делать», не проговаривая это), и ситуации, где возникают паузы, споры и необходимость явного обоснования решений. Первые интерпретируются как действия, опирающиеся на автоматизированные схемы, вторые — как случаи, требующие рефлексивного осмысления. Как и в экспериментальных исследованиях, речь идет не о прямом доступе к когнитивным процессам, а об их реконструкции на основе наблюдаемых признаков взаимодействия.

К перечисленным методам, однако, можно применить критику измерения автоматизма. Индикаторы, такие как более быстрое время реакции, повышают вероятность фиксации Типа 1, но не позволяют исключить альтернативные процессы (Miles 2019). Более

того, стандартные методологии социальных наук, от эксперимента до обработки естественного языка, не дают прямого доступа к более «четким» индикаторам мышления — таким как, например, активация нейронов, фиксируемая с помощью фМРТ или аналогичных инструментов. В подавляющем большинстве случаев исследователь лишь аналитически предполагает корреляцию между автоматическим познанием и какой-либо метрикой (Miles 2019).

Наиболее напряженная дискуссия разворачивается вокруг интервью и того, что изучает социолог, когда анализирует интервью. Изначально Вэйзи утверждал, что интервью, в значительной степени, является постфактум объяснением автоматического действия. В этом случае информант неизбежно начнет «вменять» смысл действиям и конструировать его. В результате аналитик изучает не действие, а его крайне условную и дискурсивную реконструкцию, которая не может дать доступ к реальной практике (Vaisey 2009). На это возражает Пью, утверждая, что интервью позволяет исследовать схемы, моральные представления и эмоциональные структуры (Pugh 2013). Вэйзи частично признает слабость своей радикальной позиции, заявляя, что нарратив может быть связан с недискурсивным познанием, например, в обучении, где дискурсивные объяснения постепенно автоматизируются, а затем вновь артикулируются для передачи другим (Vaisey 2014). Однако скепсис по поводу выявления из интервью нерефлексивного типа познания (Девятко 2025) или интервью как «прямого доступа» (Martin 2010) к культуре сохраняется.

Впрочем, интервью отнюдь не является «списанным» методом. Как считается (Martin 2010), оно дает инструменты для изучения познания Типа 1, но лишь в том случае, если его результаты интерпретируются не напрямую, а как указание на нарративные конвенции, свойственные информанту. При этом важно триангулировать интервью через другие методы (Mahoney, Goertz 2006).

4E подход

Одна из самых сильных линий критики основных направлений внутри когнитивной социологии проистекает от традиции воплощенного познания (*embodied cognition*). Ее представители заявляют, что как модель двойного познания, так и предыдущие социологические теории редуцируют ключевые объяснения к абстрактному социальному, не решая проблему социологизма (стремления объяснять все социальное социальным) и не отвечая на вопрос о том, как именно социальное становится когнитивным и телесно переживаемым в реальных практиках (Шариков 2020). Яркий пример — концепция Зерубавеля и его идея «мыслительных сообществ» (Zerubavel

1997), которая может читаться как полностью а-телесная и, по мнению критиков, метафизическая. В качестве альтернативы, позволяющей выйти за пределы этой редукции, предлагается рамка 4E, которая переносит центр тяжести с «абстрактных представлений» на связку мозга, тела и среды как единую систему. 4E-мышление это: *embodied* (воплощенное, происходящее в теле), *embedded* (укорененное в контексте), *enacted* (разыгрывающееся, происходящее в действии), and *extended* (расширенное, использующее среду и подручные инструменты) (Ignatow 2004; Menary 2010; Шариков 2022).

Эта критика ложится на более широкую проблему классической социологии: имплицитную модель человека как *homo duplex*, где социальное и телесное разведены как разные «сущности». В «Элементарных формах» Дюркгейма такое расщепление задает оптику, в которой человек описывается через разрыв между физическим и социальным телом, а общество мыслится как реальность *sui generis*, что, по мнению критиков, подпитывает метафизический статус «социального» и закрепляет произвольное исключение телесного опыта и эмоций из теоретического поля зрения (Shilling 2005; Дюркгейм 2018). Поэтому как телесный поворот в социологии, так и 4E-подходы, можно читать как попытку разорвать этот круг и описать агента как целостное образование, одновременно социальное и физическое.

Как и двупроцессная модель, рамка 4E-мышления возникает за пределами социологии — в когнитивной науке, философии сознания и смежных исследованиях восприятия, действия и искусственного интеллекта как критика представления о познании как о процессе, локализованном преимущественно в мозге и устроенном по образцу внутренней обработки репрезентаций. Ее формирование связано с несколькими пересекающимися линиями. Первая — феноменологическая и энактивистская, наиболее отчетливо представленная в книге Ф. Варелы, Э. Томпсона и Э. Рош «Воплощенный ум», где мышление описывается как возникающее в активном взаимодействии организма со средой, а не как пассивное отражение внешнего мира (Varela, Thompson, Rosch 1991). Вторая — исследования распределенного познания, прежде всего работа Э. Хатчинса «Мышление в естественной среде», где навигация корабля описывается не как индивидуальный ментальный акт, а как процесс, распределенный между людьми, инструментами, записями, пространственной организацией и коммуникацией (Hutchins 1995). Третья — тезис о расширенном сознании Э. Кларка и Д. Чалмерса, согласно которому внешние объекты могут при определенных условиях становиться функциональными частями когнитивной системы (Clark, Chalmers 1998). Позднее эти направления были «собраны» в языке 4E cognition, то есть познания воплощенного, укорененного

в среде, осуществляемого в действии и расширенного за пределы мозга через артефакты и внешние опоры (Menary 2010; Newen, De Bruin, Gallagher 2018).

Исторически важная линия, к которой апеллируют исследователи в рамках этих подходов, связана с критикой дуализма разума и тела в феноменологии. Так, Мерло-Понти последовательно отвергал их раздельность и описывал тело как «нашу общую среду для существования мира». Разум и тело это не две независимые субстанции, а элементы единой интегрированной системы, через которую мир становится доступным (Merleau-Ponty 1962). Другие авторы в близкой логике настаивают, что информация не существует как «готовая» данность, а категории не должны пониматься как априорные и врожденные. Вместо этого сознание и мышление развиваются из «воплощения» мира — структурной связи тел с окружающей средой. Яркий пример — цвет. Он не существует независимо от восприятия, но и не сводится к нему полностью (Varela et al. 1991). В такой перспективе тело и перцепция — это фундаментальные условия мышления.

В социологию 4E-подходы входят не как единая школа или готовая программа, а как совокупность аргументов, позволявших переописать давно обсуждавшиеся в дисциплине проблемы тела, практики, материальности и ситуации на языке современной когнитивной науки. Их рецепция происходила прежде всего через несколько уже существовавших социологических линий: теорию практик и постбурдьевистские интерпретации габитуса, социологию тела, исследования материальности, артефактов и аффордансов, а также критику моделей действия, в которых актор представлен как носитель норм, ценностей или абстрактных репрезентаций. В этом контексте 4E оказались полезны потому, что позволяли связать социально сформированные навыки, телесные диспозиции, материальную среду и практическое действие в единую объяснительную схему. Социологи, обращавшиеся к воплощенному и распределенному познанию, использовали эту рамку для уточнения того, каким образом социальные структуры не просто «интериоризируются» в сознании, а закрепляются в телесных привычках, перцептивных ожиданиях, навыках ориентации в пространстве, способах использования предметов и рутинных формах взаимодействия (Ignatow 2007; Lizardo 2007; Wacquant 2004, 2015). Поэтому вход 4E в социологию в конце 1980-х гг. был связан не столько с прямым импортом философии сознания, сколько с попыткой сделать более когнитивно правдоподобными уже имевшиеся социологические интуиции о габитусе, практическом знании, материальных опорах действия и ситуативной организации поведения (Cerulo 2019). В этой логике классические решения, не принимающие все это во внимание,

объявляются устаревшими, а основная конкуренция объявляется между различающимися 4E-объяснениями (Barsalou 1999).

4E-подходы меняют единицу анализа. Теперь это не «познание/мозг сам по себе» и не «индивид как носитель социального», а неделимая система мозга, тела и окружающей среды (Menary 2010). Важно и философское основание. 4E-подходы часто связываются с прагматизмом и рассматриваются как неопрагматистские, поскольку они смещают акцент с интенциональных объяснений действия на анализ привычек как устойчивых, контекстуально закрепленных паттернов поведения, формирующихся в процессе повторяющегося взаимодействия со средой (Шариков 2022). Ключевым здесь становится вопрос, как индивид встраивается в среду и осваивает способы взаимодействия с ней (Turner 2007).

Один из наиболее прямых мостов между 4E-подходом и социологией прослеживается через теорию Пьера Бурдье. Его взгляд на габитус можно прочитать как теорию бессознательных схем, формируемых и реализуемых через телесный, жизненный и сенсорный опыт. Ментальные структуры в этом подходе формируются посредством действия и телесного опыта и всегда «привязаны» к полю как контекстной среде (Bourdieu 1990; Brekhus, Ignatow 2019). Важный элемент здесь — усвоение телесных схем на дорефлексивном уровне, отличное от сознательной имитации. Связь телесных привычек и их социальных и культурных ассоциаций можно рассматривать как часть габитуса человека (Bourdieu 1992; Lizardo 2004).

Эта линия радикализируется в проекте «социологии плоти и крови» (*carnal sociology*) Лоика Вакана. Его проект отталкивается от трех идей. Во-первых, он считает, что социология должна уйти от дуализма разума и тела и от образа агента как «активного разума на отсутствующем, инертном и немом теле». Во-вторых, следуя Бурдье, он предлагает понимать социальную структуру как «динамические сети сил, вписанные в тело и глубоко в него вплетенные», а не как внешние сети возможностей и ограничений. В-третьих, он порывает с вычислительными моделями мышления — представлением о познании как замкнутой в мозге рациональной системе, направленной на решение конкретных логических задач, и отдает приоритет практическому знанию, приобретаемому посредством действия (Wacquant 2004, 2015). Описывает это он на примере бокса. На ринге «именно тело учится и понимает», сортирует и хранит информацию, выбирает действие из репертуара возможных реакций. При этом телесность естественным образом связывается с вопросами неравенства и власти. Вакан подчеркивает, что различные аспекты когнитивно-телесного процесса — восприятие, внимание, запоминание и реакция — не совпадают автоматически и могут расходиться. Эти расхождения не являются исключительно инди-

видуальными или нейрофизиологическими, а формируются социальными условиями (Wacquant 2004, 2015). В результате способность быстро распознавать ситуацию, удерживать внимание и адекватно реагировать оказывается неравномерно распределенной и может зависеть от класса, расы, гендера, а также от опыта страдания и насилия (Cerulo 2019).

Социологию тела в стиле Бурдье и Вакана можно назвать одним из потенциальных «партнеров» когнитивной социологии из числа широко известных социологических моделей.

Другим потенциальным «партнером» является акторно-сетевая теория, наиболее явно связанная с именем Бруно Латура (Latour 2015). И в теориях 4E-мышления, и в АСТ речь идет о включении в моделирование предметов и прочих явлений, отличных от людей и идей, однако включение это происходит на разных основаниях и в разных целях. Если Латур и другие АСТ-исследователи практически полностью «перепрошивают» онтологию социальных наук, расширяя совокупность потенциально (через концепт актантов) и фактически (концепт акторов) действующих субъектов, когнитивные социологи продолжают придерживаться человеческой (или хотя бы биологической) исключительности и фокусироваться на мышлении. Однако они утверждают, что (как минимум) это невозможно сделать без рассмотрения влияния различных объектов в мире на мышление и познание или, в более радикальной версии, как предметы и объекты становятся частью мышления, несводимого к процессам в мозге.

Так, в книге «Мышление в естественной среде» Эдвин Хатчинс показывает, как де-факто осуществляется навигация на американском военном корабле (Hutchins 1995). Он демонстрирует коллективность этого процесса, важную роль в котором, наряду с членами команды, играют инструменты навигации (секстан), регистрации (журнал), коммуникации (мостик) и проч. Мышление в этой логике остается мышлением, однако его субъект оказывается коллективной сетью, конфигурация которой определяет результат акта мышления, направленного на объект мышления (у Хатчинса — местоположение корабля в море). АСТ, в свою очередь, пытается снять саму дихотомию объекта и субъекта, показав, что социальная жизнь заключается в постоянной пересборке сетей, состоящих из разного рода объектов (включая людей, но на общих, непривилегированных, основаниях), которые действуют, меняя другие объекты, связанные с ними через сеть. Например, если ученые не могут объяснить рыбакам, зачем восстанавливать популяцию гребешков, то это неудача не их самих, а сети, состоящей из узлов «ученые — рыбаки — гребешки», которая не стабилизировалась в таком виде, чтобы замысел ученых был реализован. Хатчинс для поддержки своих тезисов о роли объектов

в навигации ссылается на ранние работы Латура, базирующиеся на антропологии лаборатории, в которых говорится о роли таблиц, флипчартов и семинаров в науке и, шире, общественных процессах. Далее, однако, АСТ и когнитивная социология двинулись разными путями и взаимное влияние практически прекратилось, несмотря на потенциальную пользу от налаживания мостов и наличие конкретных инструментов, за счет которых это возможно.

Одним из таких мостов может стать теория аффордансов. Согласно ее родоначальнику, американскому психологу Джеймсу Гибсону (Gibson 1977), внешние по отношению к нам явления мы воспринимаем не посредством их полноценной реконструкции в сознании, а посредством того, как с ними можно провзаимодействовать. Аффорданс в этой логике — это когнитивный посредник между нами и внешним миром. Он не является в полной мере атрибутом ни нас, ни предмета. А значит, он, как и прочие социальные явления, может стать предметом переговоров, соответствовать интересам одних людей и групп, но не соответствовать интересам других, а власть в этом контексте — это власть навязать выгодную «версию» аффорданса. Аффорданс можно представить как «когнитивную версию» идеи, что предметы действуют (Eck, Turner 2019), которая сама по себе может стать мостом между когнитивной социологией и АСТ.

Еще одна важная традиция 4E в социологии — биосоциальные объяснения. Например, Игнатоу предлагает использовать подходы из наук о жизни и медицины для изучения социальных явлений: преступности, политических взглядов, религии и проч. (Ignatow 2021). Он иллюстрирует эту идею на исследовании оси микробиом-кишечник-мозг (*microbiome-gut-brain axis*), где низкий уровень холестерина в плазме связан с повышенной смертностью в результате самоубийств, насилия и несчастных случаев. При этом сам уровень холестерина является следствием определенного набора повседневных практик индивида, определяемых культурными и социальными структурами. То же в определенной мере относится и к другим органическим соединениям, например, серотонину. Социальная жизнь связана с медицинскими показателями тела, и наоборот (Ignatow 2021). При этом в телесных практиках могут быть и свои универсалии. Например, левши и правши систематически по-разному связывают «хорошее» с пространственным расположением слева/справа (Casasanto 2009). Возвращаясь к обсуждаемому выше, такой подход требует от исследователя ответственности в части прочерчивания дисциплинарных границ и описания баланса, в котором разные подходы (социологические, психологические или биологические) объясняют наблюдаемое явление (Ignatow 2021).

Иногда к 4E добавляют пятое «E» — *emotional* (связанное с эмоциями). Оно необходимо, чтобы показать эмоциональную на-

груженность мышления. Примером эвристичности этого может служить различение «природных» и «современных» опасностей. Одни и те же по смыслу угрозы могут запускать разные режимы обработки. Так, изображения пауков, змей или крокодилов сильнее работают аффективно, тогда как «современные» опасности вроде оружия — скорее связаны с рациональной делиберацией (Öhman, Mineka 2001). Во многих ситуациях именно эмоции задают траекторию интерпретации, и уже потом рационализация подстраивается под случившееся. Это можно описать расхожей метафорой: «эмоциональная собака виляет рациональным хвостом» (Haidt 2001; Куракин 2020). В этом смысле эмоциональность оказывается не противоположностью когниции, а одним из механизмов того, как именно когнитивная система тела-в-среде выделяет значимое.

Аналитическим концептом для работы с «пятым Е» обычно выступает «аффект». Аффект — первоначальная реакция, которая помогает мозгу расставлять приоритеты и оценивать значимость информации (DiMaggio 1997; Smith, DeCoster 2000; Семовских 2025). В близкой логике Куракин формулирует ключевую функцию аффекта как маркирование «чего-то» значимым (Куракин 2023). Эмоция не просто сопровождает смысл, а помогает закрепить внимание, выбрать линию интерпретации, подготовить действие. Это особенно важно в ситуациях несовпадения ожиданий и происходящего (Семовских 2025). В таком режиме аффект может, с одной стороны, толкать к автоматическим реакциям, а с другой — создавать окно для делиберации. Возникающее чувство сближения повышает вероятность «ага!»-моментов, когда связи между элементами ситуации будто внезапно становятся очевидными и эмоции усиливаются (McDonnell et al. 2017). Важно, впрочем, что такие эффекты несводимы полностью к культуре или социализации.

Наконец, применительно к эмоциям и аффекту социологии культуры предлагают также работать с концептами резонанса и катексиса. Куракин определяет катексис как базовое свойство культуры, в рамках которого эмоции, производимые во взаимодействиях, способны «прикрепляться» к объектам и тем самым делать их носителями устойчивой значимости (Куракин 2023). В близкой, но более операционализируемой форме резонанс описывается как опыт, в рамках которого контакт с культурным объектом вызывает «ага!»-момент установления новых когнитивных связей. Объект оказывается одновременно новым и понятным, дает человеку дополнительные способы думать и решать проблемы, а эмоциональный заряд этого совпадения может мотивировать действие и инновации, тем самым работая как механизм культурных и социальных изменений (Kaidesoja et al. 2022; McDonnell et al. 2017).

Исследования в рамках 4E-подхода

В рамках 4E-подходов применяются как качественные, так и количественные методы. Среди ключевых качественных методов следует отметить длительное включенное наблюдение, сочетаемое с рефлексией над собственным телесным опытом исследователя. Такой подход позволяет фиксировать не только дискурсивные описания практик, но и формирование телесных навыков, аффектов и перцептивных схем. Показательным примером служит эмпирическая работа Вакана, который, в рамках изучения бокса в Чикаго, сам прошел весь путь от новичка до практикующего боксера и в результате на собственном опыте продемонстрировал, как габитус формируется через тренировки, боль, ритм ударов и телесную дисциплину, и как именно тело становится носителем практического знания (Wacquant 2004, 2015).

Другим распространенным методом является интервью, которое может дать доступ к аффективным сторонам социального опыта, менее доступным через наблюдение. В этом смысле интервью ценны тем, что позволяют реконструировать, как телесный и эмоциональный режимы связаны с действием (Lamont, Swidler 2014). Внутри этого направления важно не ограничиваться традиционным форматом. Один из вариантов его развития — интервью с карточками (например, телесных аналогий). Исследователь может просить отсортировать их и объяснить причину или свои эмоции в момент сортировки (Lembo 2020).

Похожую задачу решают и групповые форматы. В фокус-группах можно попытаться зафиксировать, как участники используют телесные метафоры и свое позиционирование в пространстве для продвижения своей позиции (Cerulo 2019). Дальнейшее изучение дискурса и метафор может также дать почву для интерпретации. Например, выбор «воплощенных» метафор (например, чистоты) может быть систематически связан с моральной культурой конкретных групп, а их использование может усиливать эффекты сплоченности сильнее, чем абстрактный язык. Важным здесь является акцент на множественных способах изучения телесного мышления, мышления ресурсами внешней среды и их комбинаций (Ignatow 2007).

Количественные подходы в исследованиях воплощенного познания часто строятся вокруг идеи, что когнитивные структуры проявляются не только в явных суждениях, но и в распределении ассоциаций, необычности сценариев и паттернах категоризации. В этом ключе полезны методы из социальной психологии, которые позволяют измерять, насколько конкретные сочетания статусов, ролей и действий воспринимаются как ожидаемые или, наобо-

рот, как нарушающие привычный порядок. Например, предлагается измерять несоответствие схем через оценки необычности сцен и ролей. Одни комбинации (например, А занимает доминирующую позицию, а В подчиненную) могут считываться как более странные, вызывая эмоции удивления и негодования. При этом важно, что такие оценки могут возникать как из быстрых первичных реакций, так и из более рефлексивного рассуждения (Hunzaker 2016). Альтернативно, используя приведенные выше методы «якорных слов», можно выстраивать шкалы эмоциональности и телесного опыта, анализируя тексты на этой основе (Stoltz 2025).

Наконец, у поля остаются заметные «белые пятна», направления, которые логично дополняют существующие методы, но пока используются редко. Один из ярких примеров — компьютерные исследования движения глаз (*eye-tracking*). С учетом вышесказанного, они могут быть эффективным инструментом в случае, если нас интересуют приоритеты внимания и значимость элементов ситуации. Отслеживание взгляда может дать данные о том, что именно захватывает внимание и как визуальная организация среды «ведет» интерпретацию. При этом насколько можно судить по текущим обзорам и практикам, подобных работ внутри обсуждаемого направления действительно немного, хотя в смежных областях, прежде всего в психологии, метод активно используется (Tian et al. 2022).

Когнитивная социология. Ключевые линии дискуссии

Важно сделать оговорку, что описанные выше концепции, хотя и формируют поле современной когнитивной социологии, лишь в первом приближении «сшивают» ее воедино. Можно выделить три линии напряжения, которые «пронизывают» эту область знания в целом.

Первая линия, как уже говорилось, связана с вопросом, мыслится ли когнитивная социология как автономное социологическое поле (подход Ратгерской школы) или как междисциплинарный проект, который должен строиться в постоянном диалоге с когнитивной психологией и смежными науками (подход культуры и познания) (DiMaggio 2002). В современной литературе это напряжение также описывается как различение культуралистской (условно «зерубавелевской») и междисциплинарной (условно «димаджиовской») традиций, притом что существуют и другие локальные траектории развития поля (Kaidesoja et al. 2022). ДиМаджио, кроме того, предлагает различать исследования, фокусирующиеся на содержании мышления (например, воспоминаниях людей о событиях), и исследования, концентрирующиеся на том, как устроены восприятие

и мышление как таковые и какова в них роль различных социальных явлений (DiMaggio 2002).

Вторая линия напряжения касается объектов и единицы анализа — ориентирована ли когнитивная социология прежде всего на коллективы и надындивидуальные формы, или же на индивида и микромеханизмы познания. В русскоязычной рецепции это различие описывается как противопоставление микроиндивидуалистских программ (в традиции культуры и познания) и коллективистских моделей (среди последователей Зерубавеля и неодюркгеймианцев) (Шариков 2020). Важно, что эти позиции задают не только теоретическую полемику, но и разные способы делимитации социологического объяснения — от отказа от автономии социального мира в пользу уточнения границ между психологическим, биологическим и социальным регионами до попыток выстроить систему посредничества между нейроуровнем и социальными структурами (Cerulo 2010). Именно здесь у некоторых авторов возникает опасение, что междисциплинарный поворот может вести к индивидуализму и даже к отрицанию внеиндивидуальных объектов, например, отношений, сетей, структур (Шариков 2020).

Третья линия напряжения связана с тем, какая когнитивная модель считается продуктивной — преимущественно психологистская (например, двупроцессная модель, делающая акцент на внутренних режимах обработки информации) или телесно-материальная, где познание мыслится как воплощенное и распределенное (Brekhus, Ignatow 2019).

Если смотреть на поле через эти три оси, становится заметным и минимальный консенсус — во многих версиях когнитивной социологии повторяется тезис, что социологии недостает целостной теории действия и что для ее обновления важно внимательнее работать с исследованиями когнитивных наук и формулировать когнитивно реалистичные принципы объяснения (Brekhus, Ignatow 2019). Однако именно то, каким образом строить этот мост: через психологистские модели, через воплощенность и распределенное познание, либо через автономные социологические описания коллективных паттернов, остается центральной точкой расхождения.

Ситуационизм. На пути к когнитивной теории социального действия

Нельзя сказать, что представители когнитивной социологии прямо идентифицируют себя как «ситуационисты». Тем не менее при анализе поля извне можно отметить устойчивый интерес к ситуа-

ции как к аналитической единице, в которой соединяются познание и действие. В разных вариантах этот интерес проявляется как попытка объяснять поведение не через абстрактные ценности или устойчивые диспозиции, а через конфигурацию конкретного контекста.

В рамках данного подхода индивида можно определить как: (1) мыслящего и (2) действующего агента в (3) ситуации. Последняя же описывается как динамическая связка: (1) элементов окружающей среды и их аффордансов, которые направляют действие и делают его возможным (DiMaggio 1997; Martin 2015; Swidler 1986); (2) практического действия, формирующегося в конкретной конфигурации взаимных ориентаций и позиционирований (Collins 2004; Martin 2011); (3) эмоционального режима, через который ситуация получает оценочную и мотивационную окраску (Cerulo 2010; Collins 2004); (4) нерефлексивных, автоматизированных процессов распознавания и заполнения паттернов (схем) (Barsalou 2013; Eck, Turner 2019; Шариков 2022); (5) рефлексивных операций, которые могут подключаться для интерпретации и объяснения действия постфактум (Kahneman 2003; Martin 2015; Swidler 1986). При этом важно, что все описанное «записывается» в опыте индивида, образуя его габитус, и помогает работать с другими подобными ситуациями в будущем (Lizardo, Strand 2010; Martin 2015). Представляется, что такая перспектива позволяет непротиворечиво систематизировать вышеописанные концепции в рамках когнитивной социологии.

Таким образом, вместо того чтобы искать глубинные мотивы действия у индивида, исследователь должен обращать больше внимания на то, какие элементы среды доступны в каждый момент, какие сигналы они посылают и как эти сигналы могут быть обработаны индивидом исходя из его опыта и разделяемых им конвенций.

Уже обсуждавшаяся идея распознавания и заполнения паттернов хорошо иллюстрирует этот механизм. Выученные когнитивные эвристики позволяют быстро распознать знакомую конфигурацию сенсорных данных, приписать ей категориальные значения и достроить недостающие элементы. Причем это происходит автоматически, без сложной внутренней переработки репрезентаций (Barsalou 2013; Eck, Turner 2019; Шариков 2022). В такой модели значительная часть «понимания» фактически уже содержится в самой ситуации, которая активирует соответствующий паттерн.

Ситуационный ракурс позволяет также объяснить различия в эмоциональных реакциях. Некоторые страхи могут иметь биологическую основу и проявляться в схожей степени при появлении раздражителя. Однако социально/культурно обусловленные переживания скорее специфичны для констелляции обстоятельств. Объект или действие получают определенное значение не сами

по себе, а в составе более широкой конфигурации сети отношений и ожиданий, которые можно назвать ситуацией (Cerulo 2010).

Развивая эту линию, ситуационистская альтернатива традиционным теориям действия подчеркивает, что определенные типы ситуаций склонны вызывать определенные типы действий независимо от декларируемых ценностей, установок или других социологистских объяснений (Martin 2015). Для иллюстрации этой идеи Джон Леви Мартин обобщает традиционные структурные социальные теории под лейблом «GOFAT-подходы» («Старые добрые теории действия», *Good Old Fashion Action Theories*). GOFAT-подходы объясняют действие через правила, жесткие институты или ценности. Ситуационистский подход предполагает более экономное объяснение. Регулярности могут извлекаться из структуры среды, если она устроена так, что направляет действие сообразно опыту (Martin 2015). В каждый момент существует множество возможных вариантов действия, но реализация одного из них «закрывает» другие. При этом ожидания могут рассинхронизироваться с текущей ситуацией, создавая моменты сбоя, которые ведут к эвристикам и нетривиальным способам действия, которых нельзя было бы ожидать исходя из больших структурных аргументов (Martin 2011). При этом одновременно важно избегать ситуационного детерминизма. Среда задает возможности и ограничения, но не подчиняет индивида — у него всегда остается вариация для действия (Swidler 2008).

В этой перспективе эвристики, описанные в исследованиях принятия решений, получают дополнительное объяснение. Люди действительно склонны использовать простые правила вместо сложных расчетов (Kahneman 2003), однако их эффективность может объясняться не столько ограничениями когнитивной способности, сколько соответствием между этими правилами и структурой конкретной ситуации (Martin 2015). Подобный ход мысли поддерживается и анализом практик использования артефактов. Индивиды часто опираются на доступные элементы среды и подручные средства, не удерживая в сознании их глубинный смысл, а интерпретация может быть восстановлена постфактум (Swidler 1986). При этом такое использование определяется не только ситуацией, но и накопленным и воплощенным в теле опытом, систематизирующим действие, т. е., по мнению ряда авторов, габитусом (Lizardo 2012, 2017; Lizardo, Strand 2010). Практические компетенции могут усваиваться без эксплицитного обучения через окружение другими индивидами, демонстрирующими те же навыки (Lizardo 2004).

Можно выделить как языковое, так и телесное измерение ситуации. Метафоры возникают в конкретных контекстах (физических, социальных, культурных), и именно эти контексты определяют пространство возможной креативности (Kövecses 2019). Исследова-

ния организационного осмысления показывают, что схемы и контексты действия внутри организации соединяются единовременно (Elsbach et al. 2005). Даже абстрактные операции, такие как специфика размышлений о прошлом или будущем, оказываются связаны с телесной ориентацией в пространстве (Miles et al. 2010).

В наиболее радикальной формулировке именно ситуация становится фундаментальной единицей анализа. Теория цепочек ритуалов взаимодействия предлагает рассматривать индивида как продукт последовательности ситуаций во времени и утверждает, что сами ситуации обладают собственными процессами, несводимыми к сумме индивидуальных намерений (Collins 2004). В сходном ключе разворачивается и ситуационистская альтернатива диспозиционным теориям действия, где объяснение строится через анализ отношений в конкретной ситуации — конфигурации взаимных ориентаций и ожиданий, задающей структуру возможностей действия (Martin 2011).

Такой поворот к ситуации имеет прямые последствия для теории социального действия в когнитивной социологии. Если действие формируется в конкретной конфигурации среды, а схемы активируются через сигналы и взаимодействие, то теория действия должна учитывать не только внутренние диспозиции, но и реляционную и материальную структуру ситуации как первичную точку анализа.

В результате акцент на познании и ситуации в теории социального действия позволяет, с одной стороны, сохранить связь с большой теорией в социологии, а с другой — легитимно прийти к механистическим объяснениям. Последние открывают путь для диалога между социологией и другими науками о человеке: психологией, экономикой, медициной и проч. (Sarkia et al. 2020; Шариков 2022). Такой акцент позволяет продуктивно интегрировать результаты когнитивных наук в социологическую теорию, не редуцируя социальное к нейробиологическим процессам, а рассматривая механизмы как промежуточный уровень объяснения (Hedström, Ylikoski 2010).

Рецепции когнитивной социологии внутри социологии

Постепенно становясь одним из трендов социологии в целом, когнитивные проблематизации появляются и за пределами социологии культуры. Зачастую это происходит в виде «импорта» уже готовых концептуальных связок или альтернативных «веток» исследований от оригинальных авторов (прежде всего П. Бурдье и П. ДиМаджио). Можно выделить два наиболее частых направлений такого развития. В одних случаях исследователи развивали бурдьевскую линию, обращаясь к дорефлексивным практикам, навыкам и те-

лесно закрепленным схемам действия, которые позволяют связать культуру, социальное и познание. В других исходной точкой выступали идеи Пола ДиМаджио о схемах, ограниченной когнитивной рациональности и о представлении об институтах как о конвенциях мышления, определяющих последующее действие в условиях среды (Brekhus, Ignatow 2019; DiMaggio 2002). В этом разделе мы кратко обозначим основные рецепции когнитивной проблематики в нескольких социологических полях.

Пожалуй, наиболее эксплицитный пример переноса когнитивной оптики в исследования этничности связан с работами Роджерса Брубейкера. Его «Этничность без групп» стала попыткой проблематизировать саму категорию «группы» как аналитического объекта. Под одним термином могут скрываться принципиально различные явления: от малых сплоченных объединений до огромных множеств, соединенных только общим названием (Брубейкер 2012). В качестве альтернативы Брубейкер предлагает сместить фокус. С одной стороны, анализировать организации, которые претендуют на репрезентацию «групп» и на полную идентификацию с ними, а с другой — исследовать этнические категории как основания, через которые структурируются повседневные взаимодействия между людьми (Брубейкер 2012).

Этот ход напрямую продолжен в работе «Этничность как познание», где Брубейкер и соавторы делают следующий шаг — они фиксируют, что «когнитивный поворот» в исследованиях этничности уже происходит, но остается недостаточно отрефлексированным, а потому в них не используется ресурс когнитивных концепций и методов (Brubaker 2004; Варшавер 2024). В предлагаемой же перспективе этничность перестает пониматься как «вещь в мире» и описывается как «взгляд на мир», как организованный вокруг категорий (но несводимый только к ним) режим восприятия и интерпретации социальной реальности (Brubaker 2004). Детальнее об изменениях в исследованиях этничности будет сказано в другой статье этого специального номера (Варшавер 2024).

В экономической социологии и социологии организаций когнитивная проблематика проявляется, во-первых, через институциональные подходы, где акцент делается на том, что экономическое действие разворачивается в условиях ограниченной рациональности и в рамках структурированных когнитивных паттернов. Зукин и ДиМаджио вводят понятие «когнитивной укорененности» — структурированных закономерностей ментальных процессов, которые ограничивают применение абстрактной экономической рациональности средств и целей (Bandelj, Zoeller 2019; Zukin, DiMaggio 1990). Эта рамка оказалась продуктивной для целого ряда областей — от анализа рынков и межорганизационных взаимодей-

ствий до связи эмоций, рыночного поведения и восприятия будущего в экономическом действии (Bandelj, Zoeller 2019).

Во-вторых, когнитивная перспектива оказалась важной для развития теорий институциональных логик, где институты понимаются как символические, нормативные и когнитивные порядки макроуровня, структурирующие поведение и задающие акторам рамки интерпретации ресурсов, интересов и власти (Thornton et al. 2012). В рамках этой теории социальный мир описывается как «межинституциональная система», включающая множество пересекающихся институтов с различными логиками, которые могут конкурировать и вступать в сложные конфигурации (Thornton et al. 2012). В этом контексте институты — это конвенции мышления, «населяющие» индивидов, которые каждый раз выбирают наиболее сообразный ситуации институт для действия (DiMaggio 2002; Douglas 1986). Например, управление в академических подразделениях университетов исходит из «профессиональной логики» (ориентации на научную автономию и репутацию), в то время как административные отделы ориентируются на «рыночную логику» (исходящую из измеримости и экономической эффективности). Столкновение таких логик рождает конфликты, например, вокруг найма, распределения ресурсов и проч. (Thornton et al. 2012). Эта идея развивает идею об институтах как конвенциях взаимодействия (DiMaggio 2002; Douglas 1986), но в данном случае предполагается, что эти конвенции можно выделить на макроуровне.

В-третьих, значительный пласт работ связан с рыночными классификациями и инфраструктурами оценивания на рынке: рейтингами, ранкингами и системами рекомендаций. Категории и системы классификации помогают уменьшать неопределенность и создавать согласованность в неоднозначных обстоятельствах, а отклонение от стандартной классификации может стать причиной санкций и нестабильности (Bandelj, Zoeller 2019; Zuckerman 1999). Чарльз Тилли показывает, как устойчивое неравенство поддерживается через «сопоставление категорий» — совпадение категорий распределения ресурсов внутри организаций и категорий, действующих шире в социальной среде (Tilly 1999). Марион Фуркад и Киеран Хейли вводят понятие «ситуаций классификации», показывая, как классификационные режимы влияют на жизненные шансы индивидов. Например, индивиду присваивается категория кредитоспособности, что напрямую влияет на его возможности получить кредит того или иного размера (Fourcade, Healy 2013). А рейтинги юридических школ не просто измеряют качество, но изменяют поведение организаций. Школы начинают подстраивать политику приема, распределение ресурсов и стратегические решения под критерии рейтинга, а сама позиция в таблице становится частью

их идентичности и структуры конкурентного поля (Espeland, Sauder 2007). Наконец, организационные исследования часто прямо теоретизируют ситуативную связку когнитивных схем и контекста. Например, в организациях устойчивые схемы важны как инструменты координации разных отделов (Elsbach et al. 2005). Близкий сюжет возникает и в исследованиях классификаций как внешних систем, которые по-разному резонируют с внутренними схемами классификации индивидов. На примере кредитных практик Всемирного банка исследователи показывают, как классификации не просто усваиваются пользователями и не действуют единообразно, а работают как неоднозначные и вариативные организационные инструменты (Cerulo 2010; Shepherd 2010).

Отдельной линией, связанной с экономической социологией, выступает бурдьевистская прагматическая социология и экономика конвенций. Здесь внимание сосредоточено на практиках оправдания, режимах обоснования и «градах» справедливости как когнитивно-нормативных порядках координации действия и оценивания ситуаций (Болтански, Тевено 2013). При всей близости к проблематике категоризации и распознавания ситуаций, эта традиция остается сравнительно слабо интегрированной в англоязычную когнитивную социологию и чаще развивается как автономное направление моральной и культурной социологии. При этом она дает важный ресурс для переосмысления связки познания, нормативности и публичной критики (Brekhus, Ignatow 2019; Stark 2009).

В исследованиях риска когнитивная проблематика проявляется уже в ранних работах о социальном конструировании риска, где обсуждаются эвристики, используемые людьми при принятии решений в условиях неопределенности (Slovic 1987; Tversky, Kahneman 1974). В более поздних формулировках подчеркивается, что в ситуациях страха или напоминаний о крайних рисках индивиды часто опираются на автоматические режимы мышления и стереотипы, что может вести к недооценке риска и специфическим искажениям памяти об опасных ситуациях (Harvey 2019).

Существенно, что когнитивные эффекты здесь каскадно действуют на организационном уровне. Известная работа Даяны Воган о катастрофе шаттла «Челленджер» показывает, как в групповом и организационном контексте риск мог нормализоваться, даже если отдельные акторы осознавали надвигающуюся угрозу. В коллективных процессах дефекты постепенно становятся «привычной нормальностью», а технологическая неопределенность превращается в само собой разумеющееся условие действия (Vaughan 1996). Сами когнитивные правила обработки информации производят систематические асимметрии восприятия. Карен Церуло обсуждает «позитивную асимметрию» как склонность выдвигать на первый план

идеальные примеры и лучшие характеристики, отодвигая альтернативные исходы (Cerulo 2006). В итоге социология риска становится одной из площадок, где когнитивные механизмы, социальный контекст и институциональная организация неопределенности оказываются тесно связанными.

В социологии социальных движений «когнитивная» линия прежде всего проявилась через исследования смыслообразования — теории фреймов и их «резонанса» в разных социальных группах. В классических формулировках активисты описываются как производители «рамок», которые могут по-разному «находить отклик» в зависимости от культурных и структурных условий. Однако эмпирическое выявление фреймов и объяснение того, почему они имеют большее «нарративное соответствие» для одних групп, чем для других, оказалось методологически трудной задачей (Benford, Snow 2000). В этом поле также важны работы, связывающие когнитивные схемы с дискурсом и коллективным действием. Исследователи показали, что схемы могут упорядочивать дискурс, который затем закрепляет более широкие культурные убеждения и направляет коллективное действие (Ignatow 2004).

Наконец, «телесный» и «аффективный» повороты подводят к подходам, где мышление изначально понимается как воплощенное и эмоционально насыщенное. В этой перспективе повседневное социальное знание понимается как неотделимое от тела. Тело никогда не «отсутствует» в мышлении, и потому участников взаимодействий уместнее видеть не как рациональных мыслителей, в которых иногда вторгаются эмоции, а как эмоциональных и интуитивных людей, чья рефлексия может направлять и корректировать интуицию (Haidt 2002).

Заключение. Когнитивная социология — проект для импорта и экспорта

В статье предложен обзор когнитивной социологии как исследовательского проекта. Сначала мы показали, что интерес к мышлению присутствовал в социологии с момента ее возникновения, но актуализировался в контексте когнитивной революции 1950–1970-х годов, далее мы описали историю когнитивной социологии за последние десятилетия, ключевые теории и эмпирические исследования/ходы в ее рамках, а также линии напряжения внутри поля и ее рецепции в других областях социологических исследований.

Может показаться, что когнитивная социология выглядит как «наверстывающий» проект, призванный привести социологические модели к более реалистичным когнитивным основаниям,

то есть включить социологию в спектр дисциплин, переживших свою собственную когнитивную революцию. В пределе, однако, речь идет о преодолении GOFAT-моделей действия в целом, которые выводят поведение из ценностей или иных репрезентаций, и о переходе к объяснениям, чувствительным к механизмам, но не теряющим связи с «большой» теорией (Martin 2015; Martin, Lembo 2020). Именно в этой точке когнитивная социология может объединить то, что часто разводится: объяснение конкретных процессов и разговор о макропорядках. Здесь кроется и более общая проблема GOFAT-социологии. Не имея устойчивой традиции механистического объяснения, т. е. причинно-следственных объяснений конкретного социального явления (как исключение см.: Hedström, Ylikoski 2010), дисциплина часто не вступает в диалог с другими науками на равных, а создает внутри себя «аватары» смежных дисциплин (например, экономическую социологию для изучения экономики) — удобные отражения, рассчитанные на внутреннее потребление и потому малоинтересные исследователям извне (Abbott 2005; Lizardo 2014). Такая стратегия делает социологию самодостаточной, но одновременно изоляционистской. В итоге это ослабляет ее позицию в контексте когнитивных наук с более междисциплинарными конвенциями.

Однако развитие области сопровождается рядом трудностей. Во-первых, обсуждение и развитие теории часто происходит на философском и высоком теоретическом, а не эмпирическом уровне (Coulter 2008). Во-вторых, внутри поля в 2010-е годы усиливаются методологические споры. Как переосмыслить глубинное интервью, этнографию и другие методы в свете модели двойного познания (Vaisey 2014)? Насколько далеко следует заходить в импорте методов и подходов из психологии (Shepherd 2011)? В какой степени анализ текста с помощью LLM действительно отражает структуру схем создателей текстов и сообществ в целом (Boutyline, Arseniev-Koehler 2025)? В-третьих, на этом фоне возникают опасения «нейробиологического империализма», когда социальные явления оказываются описаны избыточным когнитивным словарем и теряют собственно социологическую специфику (Coulter 2008). В результате социология рискует утратить автономию в своих объяснениях, традиционно базирующихся на концептуализации социального как реальности *sui generis*, а значит, и ресурсность для других наук. В-четвертых, когнитивная социология характеризуется терминологической нечеткостью. Социологи нередко используют язык когнитивных наук избирательно и непоследовательно, превращая такие понятия, как «схема», «логика» или «модель», в универсальные метки для любых интересующих регулярностей (Rotolo 2022).

Между тем важен не только вопрос о том, что социологии могут «заимствовать» из когнитивных наук, но и то, что они способны дать им взамен. В общем виде речь идет о связи микро- и макросоциальных структур с организацией когнитивных процессов (Cerulo 2010). Именно здесь социология может предложить другим дисциплинам теоретические и эмпирические инструменты для анализа ситуаций, контекста, институциональных рамок и неравномерного распределения когнитивных ресурсов (Auyero, Swistun 2008; Harvey 2010; Martin 2011). Например, исследования социального неравенства (от повседневных коммуникаций до мир-системного масштаба (Luriia 1976)) позволят с новой перспективы объяснить вариацию в когнитивной организации индивидов.

Долгосрочная перспектива проекта связана с переходом от когнитивной социологии к более широкой «когнитивной социальной науке», которая не замыкается в субдисциплинарных аватарах, а выстраивает подлинные межполевые связи и отказывается от изоляционизма (Lizardo 2014). Практический опыт подобной работы будет связан с неудобным поиском общего языка с представителями других наук. Однако, на наш взгляд, этот путь необходим. Важно помнить также, что когнитивная наука с самого начала формировалась как междисциплинарная федерация, куда входили психология, нейронауки, философия, антропология, лингвистика и компьютерные науки. Каждая дисциплина проходила собственный «когнитивный поворот», чтобы стать участником этой федерации (Chomsky 2014; D'Andrade 1995; Lizardo 2014; Turner 2007; Tversky, Kahneman 1974). Если социологи действительно стремятся занять в этой федерации сильную позицию, им необходимо не просто «заимствовать» термины, а выстроить собственную теоретическую программу, которая предложит объяснения, соединяющие мышление с большими социальными структурами, и сделает социологию поставщиком, а не переводчиком чужих моделей.

Финансирование /Founding

Исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR28713139).

This research is funded by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. BR28713139).

Список источников / References

Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. М.: Медиум.

— Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality*. Moscow: Medium. (in Russ.)

Болтански Л., Тевено Л. (2013) Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение.

— Boltanski L., Thévenot L. (2013) *On Justification: Economies of Worth*. Moscow: New Literary Observer. (in Russ.)

Брубейкер Р. (2012) Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Brubaker R. (2012) *Ethnicity without Groups*. Moscow: HSE Publishing House. (in Russ.)

Варшавер Е. (2024) Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота. Социологическое обозрение, 23 (3), с. 94–126. EDN: IGULTR. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126

— Varshaver E. (2024) What Exactly Is Studied When Ethnicity Is Studied? A Descriptive Model for Constructivist Studies of Ethnicity in the Context of the Cognitive Turn. *Russian Sociological Review*, 23 (3), pp. 94–126. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126

Грановеттер М. (2002) Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности. Экономическая социология, 3 (3), с. 44–58. EDN: OYUWVD

— Granovetter M. (2002) Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *Economic Sociology*, 3 (3), pp. 44–58. (in Russ.)

Девятко И. Ф. (2015) Социальное знание и социальная теория: от социологии знания к когнитивной социологии. В кн.: Девятко И. Ф., Абрамов Р. Н., Катерный И. В. (ред.) Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации. М.: Прогресс-Традиция, с. 13–40.

— Devyatko I. F. (2015) *Social Knowledge and Social Theory: From the Sociology of Knowledge to Cognitive Sociology*. In: Devyatko I. F., Abramov R. N., Katerny I. V. (eds.) Everyday and Scientific Knowledge about Society: Mutual Influences and Reconfigurations. Moscow: Progress-Traditsiya, pp. 13–40. (in Russ.)

Девятко И. Ф. (2025) Теория «двойного процесса» в социальном познании и перспективы приращения социологического знания. Социологические исследования, (8), с. 3–13. EDN: WWZHCN. https://doi.org/10.31857/S0132162525080011

— Devyatko I. F. (2025) Dual-Process Theory in Social Cognition and Prospects for the Advancement of Sociological Knowledge. *Sociological Studies*, (8), pp. 3–13. (in Russ.) https://doi.org/10.31857/S0132162525080011

Дуглас М. (2000) Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.

— Douglas M. (2000) *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. Moscow: Kanon-Press-C; Kuchkovo Pole. (in Russ.)

Дюркгейм Э. (2018) Элементарные формы религиозной жизни. М.: Элементарные формы.

— Durkheim É. (2018) *The Elementary Forms of Religious Life*. Moscow: Elementarnye formy. (in Russ.)

Канеман Д. (2014) Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ.

— Kahneman D. (2014) *Thinking, Fast and Slow*. Moscow: AST. (in Russ.)

Кант И. (2015) Критика практического разума. М.: Эксмо.

— Kant I. (2015) *Critique of Practical Reason*. Moscow: Eksmo. (in Russ.)

Куракин Д. (2020) Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека». Социологическое обозрение, 19 (3), с. 167–231. EDN: HFUIZM. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-167-231

— Kurakin D. (2020) The Tragedy of Inequality: Dehumanizing the "Total Human". *Russian Sociological Review*, 19 (3), pp. 167–231. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-3-167-231

Куракин Д. (2023) Катектические механизмы культуры. Часть 1. Социологическое обозрение, 22 (3), с. 9–52. EDN: YTIUBS. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52

— Kurakin D. (2023) Cathectic Mechanisms of Culture. Part 1. *Russian Sociological Review*, 22 (3), pp. 9–52. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-9-52

Семовских У. (2025) Удачно (не) совпало: диалогическая модель рефлексивности в когнитивной социологии. Социологическое обозрение, 24 (1), с. 157–187. EDN: JAQUFB. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-157-187

— Semovskikh U. (2025) A (Mis)match Well Made: A Dialogical Model of Reflexivity in Cognitive Sociology. *Russian Sociological Review*, 24 (1), pp. 157–187. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-157-187

Серебренников Д. Е. (2024) Инфраструктура как камера-обскура социальных классификаций: системы городского видеонаблюдения в малых городах. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (3). EDN: SVKDHA. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325

— Serebrennikov D.E. (2024) Infrastructure as a Camera Obscura of Social Classifications: Urban Video Surveillance Systems in Small Towns. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3). (in Russ.) https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2325

Шариков Д. Д. (2019) Новая социология культуры: от «ящиков с инструментами» к когнитивным процессам. Журнал социологии и социальной антропологии, 22 (3), с. 179–210. EDN: CTMROE. https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.8

— Sharikov D. D. (2019) The New Sociology of Culture: From "Toolkits" to Cognitive Processes. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 22 (3), pp. 179–210. (in Russ.) https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.3.8

Шариков Д. Д. (2020) Культура и познание: в поисках нередукционистского подхода. Социология власти, 32 (2), с. 104–124. EDN: LYYUYI. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-2-104-124

— Sharikov D. D. (2020) Culture and Cognition: In Search of a Non-Reductionist Approach. *Sociology of Power*, 32 (2), pp. 104–124. (in Russ.) https://doi.org/10.22394/2074-

0492-2020-2-104-124

Шариков Д. Д. (2022) Натурализация культуры: когнитивизм против прагматизма. Социологическое обозрение, 21 (1), с. 153–179. EDN: KQGVAI. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-153-179

— Sharikov D. D. (2022) Naturalizing Culture: Cognitivism versus Pragmatism. *Russian Sociological Review*, 21 (1), pp. 153–179. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-153-179

Abbott A. (2005) Linked ecologies: States and universities as environments for professions. Sociological Theory, 23(3), pp. 245–274. https://doi.org/10.1111/j.0735-2751.2005.00253.x

Abelson R. P., Rosenberg M. J. (1958) Symbolic psycho-logic: a model of attitudinal cognition. Behavioral Science, 3, pp. 1–13. https://doi.org/10.1002/bs.3830030102

Alexander J. C. (1992) The promise of a cultural sociology. In R. Münch & N. J. Smelser (eds.) Theory of culture. Berkeley: University of California Press.

Alexander J. C. (2003) The meanings of social life: a cultural sociology. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195160840.001.0001

Arseniev-Koehler A., Foster J. G. (2022) Machine learning as a model for cultural learning: Teaching an algorithm what it means to be fat. Sociological Methods & Research, 51(4), pp. 1484–1539. https://doi.org/10.1177/00491241221122603

Ash M. G. (2025) Situating cognitive science after 1945. Human Arenas, 8(3), pp. 713–724. https://doi.org/10.1007/s42087-024-00421-6

Auyero J., Swistun D. (2008) The social production of toxic uncertainty. American Sociological Review, 73, pp. 357–379. https://doi.org/10.1177/000312240807300301

Bandelj N., Zoeller C. J. (2019) Cognition and social meaning in economic sociology. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 507–525). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.27

Barsalou L. W. (1999) Perceptual symbol systems. Behavioral and Brain Sciences, 22(4), pp. 577–660. https://doi.org/10.1017/S0140525X99002149

Barsalou L. W. (2013) Mirroring as pattern completion inferences within situated conceptualizations. Cortex; a Journal Devoted to the Study of the Nervous System and Behavior, 49(10), pp. 2951–2953. https://doi.org/10.1016/j.cortex.2013.06.010

Bartlett F. C. (1932) Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511759185

Benford R. D., Snow D. A. (2000) Framing processes and social movements: An overview and assessment. Annual Review of Sociology, 26, pp. 611–639. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.611

Bergesen A. J. (2004a) Chomsky versus mead. Sociological Theory, 22(3), pp. 357–370. https://doi.org/10.1111/j.0735-2751.2004.00224.x

Bergesen A. J. (2004b) Durkheim's theory of mental categories: a review of the evidence. Annual Review of Sociology, 30, pp. 395–408. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110549

Bernard H. R. (2011) Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches. 5th ed. Lanham, MD: AltaMira Press.

Bourdieu P. (1990) The logic of practice. Stanford: Stanford University Press. https://doi.org/10.1515/9781503621749

Bourdieu P. (1977) Outline of a theory of practice. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511812507

Boutyline A. (2017) Improving the measurement of shared cultural schemas with correlational class analysis: Theory and method. Sociological Science, 4, pp. 353–393. https://doi.org/10.15195/v4.a15

Boutyline A. (2022) Holding a position: Public opinion as cognition in a disorganized field. Poetics, 95, 101710. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2022.101710

Boutyline A., Arseniev-Koehler A. (2025) Meaning in hyperspace: Word embeddings as tools for cultural measurement. Annual Review of Sociology, 51, pp. 89–107. https://doi.org/10.1146/annurev-soc-090324-024027

Boutyline A., Cornell D., Arseniev-Koehler A. (2021) All roads lead to polenta: Cultural attractors at the junction of public and personal culture. Sociological Forum, 36(S1), pp. 1419–1445. https://doi.org/10.1111/socf.12760

Boutyline A., Soter L. K. (2021) Cultural schemas: What they are, how to find them, and what to do once you've caught one. American Sociological Review, 86(4), pp. 728–758. https://doi.org/10.1177/00031224211024525

Boutyline A., Vaisey S. (2017) Belief Network Analysis: A Relational Approach to Understanding the Structure of Attitudes. American Journal of Sociology, 122(5), pp. 1371–1447. https://doi.org/10.1086/691274

Brekhus W. H. (2007) The rutgers school: a zerubavelian culturalist cognitive sociology. European Journal of Social Theory, 10(3), pp. 448–464. https://doi.org/10.1177/1368431007080705

Brekhus W. H., Ignatow G. (2019) Cognitive sociology and the cultural mind: Debates, directions, and challenges. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 1–27). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.1

Brett G. (2022) Dueling with dual-process models: Cognition, creativity, and context. Sociological Theory, 40(2), pp. 179–201. https://doi.org/10.1177/07352751221088919

Brubaker R. (2004) Ethnicity without groups. Cambridge, MA: Harvard University Press. https://doi.org/10.4159/9780674258143

Caliskan A., Bryson J. J., Narayanan A. (2017) Semantics derived automatically from language corpora contain human-like biases. Science, 356(6334), pp. 183–186. https://doi.org/10.1126/science.aal4230

Casasanto D. (2009) Embodiment of abstract concepts: Good and bad in right- and left-handers. Journal of Experimental Psychology: General, 138(3), pp. 351–367. https://doi.org/10.1037/a0015854

Cerulo K. A. (1998) Deciphering violence: The cognitive structure of right and wrong. New York: Routledge.

Cerulo K. A. (2006) Never saw it coming: Cultural challenges to envisioning the worst. Chicago: University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226100296.001.0001

Cerulo K. A. (2010) Mining the intersections of cognitive sociology and neuroscience. Poetics, 38(2), pp. 115–132. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.005

Cerulo K. A. (2019) Embodied cognition: Sociology's role in bridging mind, brain, and body. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 81–100). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.5

Cerulo K. A., Leschziner V., Shepherd H. (2021) Rethinking culture and cognition. Annual Review of Sociology, 47, pp. 63–85. https://doi.org/10.1146/annurev-soc-072320-095202

Chomsky N. (2014) Aspects of the theory of syntax. Cambridge, MA: MIT Press.

Cicourel A. V. (1974) Cognitive sociology: Language and meaning in social interaction. New York: Free Press.

Clark A., Chalmers D. (1998) The Extended Mind. Analysis, 58(1), pp. 7–19. https://doi.org/10.1093/analys/58.1.7

Collins R. (2004) Interaction ritual chains. Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctt13x0rs3

Coulter J. (2008) Twenty-five theses against cognitivism. Theory, Culture & Society, 25(2), pp. 19–32. https://doi.org/10.1177/0263276407086789

Cowan N. (2001) The magical number 4 in short-term memory: a reconsideration of mental storage capacity. Behavioral and Brain Sciences, 24, pp. 87–114. https://doi.org/10.1017/S0140525X01003922

D'Andrade R. G. (1995) The development of cognitive anthropology. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781139166645

Danner U. N., Aarts H., Papies E. K., de Vries N. K. (2011) Paving the path for habit change: Cognitive shielding of intentions against habit intrusion. British Journal of Health Psychology, 16(1), pp. 189–200. https://doi.org/10.1348/2044-8287.002005

DiMaggio P. (1997) Culture and cognition. Annual Review of Sociology, 23(1), pp. 263–287. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263

DiMaggio P. (2002) Why cognitive (and cultural) sociology needs cognitive psychology. In K. A. Cerulo (ed.) Culture in mind: Toward a sociology of culture and cognition (pp. 274–282). New York: Routledge.

Douglas M. (1986) How institutions think. Syracuse, NY: Syracuse University Press. https://doi.org/10.2307/jj.37252704

Douglas M., Wildavsky A. (1983) Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. Univ of California Press.

Dubash S., Brett G. (2023) The diffusion of culture and cognition within and beyond sociology, 1997–2021. Sociological Forum, 38(2), pp. 575–584. https://doi.org/10.1111/socf.12894

Eck D., Turner S. (2019) Cognitive science and social theory. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 153–168). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.9

Elsbach K. D., Barr P. S., Hargadon A. B. (2005) Identifying situated cognition in organizations. Organization Science, 16(4), pp. 422–433. https://doi.org/10.1287/orsc.1050.0138

Espeland W., Sauder M. (2007) Rankings and reactivity: How public measures recreate social worlds. American Journal of Sociology, 113(1), pp. 1–40. https://doi.org/10.1086/517897

Fischer R., Schwartz S. H. (2011) Whence differences in value priorities? Individual, cultural, or artifactual sources. Journal of Cross-Cultural Psychology, 42(7), pp. 1127–1144. https://doi.org/10.1177/0022022110381429

Fleck L. (1981) Genesis and development of a scientific fact. University of Chicago Press. (Original work published 1935). https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190341.001.0001

Fourcade M., Healy K. (2013) Classification situations: Life-chances in the neoliberal era. Accounting, Organizations and Society, 38(8), pp. 559–572. https://doi.org/10.1016/j.aos.2013.11.002

Gallese V., Fadiga L., Fogassi L., Rizzolatti G. (1996) Action recognition in the premotor cortex. Brain: A Journal of Neurology, 119(2), pp. 593–609. https://doi.org/10.1093/brain/119.2.593

Garfinkel H. (2023) Studies in ethnomethodology. In Social theory re-wired (pp. 58–66). New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781003320609-8

Gawronski B., Creighton L. (2013) Dual process theories. In D. E. Carlston (ed.) The Oxford Handbook of Social Cognition (pp. 282–312). Oxford: Oxford University Press.

Gibson J. J. (1977) The theory of affordances. In R. Shaw & J. Bransford (eds.) Perceiving, Acting, and Knowing: Toward an Ecological Psychology (pp. 67–82). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. https://doi.org/10.4324/9781315467931

Giddens A. (1984) The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Berkeley: University of California Press.

Goffman E. (1963) Behavior in public places: Notes on the social organization of gatherings. New York: Free Press.

Goffman E. (1974) Frame analysis: An essay on the organization of experience. New York: Harper Colophon.

Goldberg A. (2011) Mapping shared understandings using relational class analysis: The case of the cultural omnivore reexamined. American Journal of Sociology, 116(5), pp. 1397–1436. https://doi.org/10.1086/657976

Greenwald A. G., McGhee D. E., Schwartz J. L. K. (1998) Measuring individual differences in implicit cognition: The implicit association test. Journal of Personality and Social Psychology, 74(6), pp. 1464–1480. https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.6.1464

Günther F., Rinaldi L., Marelli M. (2019) Vector-space models of semantic representation from a cognitive perspective: a discussion of common misconceptions. Perspectives on Psychological Science, 14(6), pp. 1006–1033. https://doi.org/10.1177/1745691619861372

Haidt J. (2001) The emotional dog and its rational tail: a social intuitionist approach to moral judgment. Psychological Review, 108(4), pp. 814–834. https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.4.814

Haidt J. (2002) Dialogue between my head and my heart: Affective influences on moral judgment. Psychological Inquiry, 13(1), pp. 54–56.

Harper D. (2002) Talking about Pictures: A Case for Photo Elicitation. Visual Studies, 17(1), pp. 13–26. https://doi.org/10.1080/14725860220137345

Harvey D. C. (2010) The space for culture and cognition. Poetics, 38(2), pp. 185–204. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.009

Harvey D. C. (2019) Risk, culture, and cognition. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 449–466). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.24

Hedström P., Ylikoski P. (2010) Causal Mechanisms in the Social Sciences. Annual Review of Sociology, 36(1), pp. 49–67. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.012809.102632

Heimer C. A. (2001) Cases and biographies: An essay on routinization and the nature of comparison. Annual Review of Sociology, 27(1), pp. 47–76. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.47

Hunzaker M. (2016) Cultural sentiments and schema-consistency bias in information transmission. American Sociological Review, 81(6), pp. 1223–1250. https://doi.org/10.1177/0003122416671742

Hunzaker M., Valentino L. (2019) Mapping cultural schemas: From theory to method. American Sociological Review, 84(5), pp. 950–981. https://doi.org/10.1177/0003122419875638

Hutchins E. (1995) Cognition in the wild. Cambridge, MA: MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/1881.001.0001

Iacoboni M. (2009) Imitation, empathy, and mirror neurons. Annual Review of Psychology, 60, pp. 653–670. https://doi.org/10.1146/annurev.psych.60.110707.163604

Ignatow G. (2004) Speaking together, thinking together? Exploring metaphor and cognition in a shipyard union dispute. Sociological Forum, 19(3), pp. 405–433. https://doi.org/10.1023/B:SOFO.0000042555.15713.4d

Ignatow G. (2007) Theories of embodied knowledge: New directions for cultural and cognitive sociology. Journal for the Theory of Social Behaviour, 37(2), pp. 115–135. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2007.00328.x

Ignatow G. (2021) Cognitive sociology after relational biology. Sociological Forum, 36, pp. 1253–1270. https://doi.org/10.1111/socf.12764

Kahneman D. (2003) Maps of bounded rationality: Psychology for behavioral economics. American Economic Review, 93(5), pp. 1449–1475. https://doi.org/10.1257/000282803322655392

Kahneman D., Tversky A. (1979) Prospect theory: An analysis of decision under risk. Econometrica: Journal of the Econometric Society, 47(2), pp. 263–292. https://doi.org/10.2307/1914185

Kaidesoja T., Hyyryläinen M., Puustinen R. (2022) Two traditions of cognitive sociology: An analysis and assessment of their cognitive and methodological assumptions. Journal for the Theory of Social Behaviour, 52(3), pp. 528–547. https://doi.org/10.1111/jtsb.12341

Kaidesoja T., Sarkia M., Hyyryläinen M. (2019) Arguments for the cognitive social

sciences. Journal for the Theory of Social Behaviour, 49(4), pp. 480–498. https://doi.org/10.1111/jtsb.12226

Kashima Y. (2000) Maintaining Cultural Stereotypes in the Serial Reproduction of Narratives. Personality and Social Psychology Bulletin, 26(5), pp. 594–604. https://doi.org/10.1177/0146167200267007

Kozlowski A. C., Taddy M., Evans J. A. (2019) The Geometry of Culture: Analyzing the Meanings of Class through Word Embeddings. American Sociological Review, 84(5), pp. 905–949. https://doi.org/10.1177/0003122419877135

Kövecses Z. (2019) Metaphorical creativity: The role of context. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 212–225). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.12

Kozlowski A. C., Dai C., Boutyline A. (2025) Semantic structure in large language model embeddings. arXiv Preprint.

Kurakin D. (2020) Culture and cognition: The durkheimian principle of sui generis synthesis vs. cognitive-based models of culture. American Journal of Cultural Sociology, 8(1), pp. 63–89. https://doi.org/10.1057/s41290-019-00083-w

Dodge E., Lakoff G. (2005) Image schemas: From linguistic analysis to neural grounding. In B. Hampe (ed.) From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics (pp. 57–92). Berlin, New York: De Gruyter Mouton. https://doi.org/10.1515/9783110197532.1.57

Lakoff G., Johnson M. (1981) Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226470993.001.0001

Lamont M., Swidler A. (2014) Methodological pluralism and the possibilities and limits of interviewing. Qualitative Sociology, 37(2), pp. 153–171. https://doi.org/10.1007/s11133-014-9274-z

Latour B. (2005) Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oso/9780199256044.001.0001

Lembo A. (2020) He heard, she heard: Toward a cultural sociology of the senses. Sociological Forum, 35(2), pp. 443–464. https://doi.org/10.1111/socf.12589

Lembo A., Martin J. L. (2022) The structure of cultural experience. Poetics, 91, 101562. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2021.101562

Leschziner V. (2019) Dual-process models in sociology. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 169–191). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.10

Leschziner V., Brett G. (2021) Have schemas been good to think with? Sociological Forum, 36, pp. 1207–1228. https://doi.org/10.1111/socf.12767

Lizardo O. (2004) The cognitive origins of bourdieu's habitus. Journal for the Theory of Social Behaviour, 34(4), pp. 375–401. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2004.00255.x

Lizardo O. (2007) "Mirror neurons," collective objects and the problem of transmission: Reconsidering stephen turner's critique of practice theory. Journal for the Theory of Social Behaviour, 37(3), pp. 319–350. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2007.00340.x

Lizardo O. (2012) The conceptual bases of metaphors of dirt and cleanliness in mor-

al and non-moral reasoning. Cognitive Linguistics, 23(2), pp. 367–393. https://doi.org/10.1515/cog-2012-0011

Lizardo O. (2014) Beyond the comtean schema: The sociology of culture and cognition versus cognitive social science. Sociological Forum, 29(4), pp. 983–989. https://doi.org/10.1111/socf.12130

Lizardo O. (2017) Improving cultural analysis: Considering personal culture in its declarative and nondeclarative modes. American Sociological Review, 82(1), pp. 88–115. https://doi.org/10.1177/0003122416675175

Lizardo O., Mowry R., Sepulvado B., Stoltz D. S., Taylor M. A., Van Ness J., Wood M. (2016) What are dual process models? Implications for cultural analysis in sociology. Sociological Theory, 34(4), pp. 287–310. https://doi.org/10.1177/0735275116675900

Lizardo O., Strand M. (2010) Skills, toolkits, contexts and institutions: Clarifying the relationship between different approaches to cognition in cultural sociology. Poetics, 38, pp. 205–228. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.003

Luriia A. (1976) Cognitive development: Its cultural and social foundations. Harvard University Press.

Mahoney J., Goertz G. (2006) A tale of two cultures: Contrasting quantitative and qualitative research. Political Analysis, 14(3), pp. 227–249. https://doi.org/10.1093/pan/mpj017

Martin J. L. (2010) Life's a beach but you're an ant, and other unwelcome news for the sociology of culture. Poetics, 38(2), pp. 229–244. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.004

Martin J. L. (2011) The explanation of social action. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199773312.001.0001

Martin J. L. (2015) "The gentleman is to let the lady enter the door first": Or how the environment tells us what to do. In Thinking through theory (pp. 217–244). New York: W. W. Norton.

Martin J. L., Lembo A. (2020) On the other side of values. American Journal of Sociology, 126(1), pp. 52–98. https://doi.org/10.1086/709778

Martin J. L., Desmond M. (2010) Political Position and Social Knowledge. Sociological Forum, 25(1), pp. 1–26. https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2009.01154.x

McDonnell T. E., Vercel K. L. (2019) Productive methods in the study of culture and cognition. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 324–340). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.18

McDonnell T. E., Bail C. A., Tavory I. (2017) A theory of resonance. Sociological Theory, 35(1), pp. 1–14. https://doi.org/10.1177/0735275117692837

Menary R. (2010) Introduction to the special issue on 4E cognition. Phenomenology and the Cognitive Sciences, 9(4), pp. 459–463. https://doi.org/10.1007/s11097-010-9187-6

Merleau-Ponty M. (1962) Phenomenology of perception. New York: Humanities Press; London: Routledge & Kegan Paul.

Miles A. (2019) An assessment of methods for measuring automatic cognition. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 341–366). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.19

Miles L. K., Nind L. K., Macrae C. N. (2010) Moving through time. Psychological Science, 21, pp. 222–223. https://doi.org/10.1177/0956797609359333

Miller G. A. (2003) The cognitive revolution: a historical perspective. Trends in Cognitive Sciences, 7(3), pp. 141–144. https://doi.org/10.1016/S1364-6613(03)00029-9

Moore R. (2017) Fast or slow: Sociological implications of measuring dual-process cognition. Sociological Science, 4, pp. 196–223. https://doi.org/10.15195/v4.a9

Newen A., de Bruin L., Gallagher S. (eds.) (2018) The Oxford Handbook of 4E Cognition. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198735410.001.0001

Öhman A., Mineka S. (2001) Fears, phobias, and preparedness: Toward an evolved module of fear and fear learning. Psychological Review, 108, pp. 483–522. https://doi.org/10.1037/0033-295X.108.3.483

Pagis M., Summers-Effler E. (2021) Aesthetic engagement. Sociological Forum, 36, pp. 1371–1394. https://doi.org/10.1111/socf.12768

Payne B. K., Bishara A. J. (2009) An integrative review of process dissociation and related models in social cognition. European Review of Social Psychology, 20(1), pp. 272–314. https://doi.org/10.1080/10463280903162177

Payne K., Lundberg K. (2014) The affect misattribution procedure: Ten years of evidence on reliability, validity, and mechanisms. Social and Personality Psychology Compass, 8(12), pp. 672–686. https://doi.org/10.1111/spc3.12148

Payne B. K., Cheng C. M., Govorun O., Stewart B. D. (2005) An Inkblot for Attitudes: Affect Misattribution as Implicit Measurement. Journal of Personality and Social Psychology, 89(3), pp. 277–293. https://doi.org/10.1037/0022-3514.89.3.277

Piaget J. (1970) Genetic epistemology. New York: Columbia University Press. https://doi.org/10.7312/piag91272

Powell W., DiMaggio P. (1991) The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226185941.001.0001

Pugh A. J. (2013) What good are interviews for thinking about culture? Demystifying interpretive analysis. American Journal of Cultural Sociology, 1(1), pp. 42–68. https://doi.org/10.1057/ajcs.2012.4

Quinn N. (2005) How to Reconstruct Schemas People Share, from What They Say. In: Quinn N. (ed.) Finding Culture in Talk: A Collection of Methods. New York: Palgrave Macmillan, pp. 35–81. https://doi.org/10.1007/978-1-137-05871-3_2

Rosch E. (1978) Principles of categorization. In E. Rosch & B. B. Lloyd (eds.) Cognition and categorization (pp. 27–48). Hillsdale, NJ: Erlbaum. https://doi.org/10.4324/9781032633275-4

Rotolo M. (2022) Culture beneath discourse: a conceptual model for analyzing non-declarative cultural knowledge. American Journal of Cultural Sociology, 10(3), pp. 432–460. https://doi.org/10.1057/s41290-021-00135-0

Rozin P., Haidt J., Fincher K. (2009) From oral to moral. Science, 323, pp. 1179–1180. https://doi.org/10.1126/science.1170492

Rumelhart D. E., Smolensky P., McClelland J. L., Hinton G. E. (1986) Schemata and sequential thought processes in PDP models. In J. L. McClelland & D. E. Rumelhart (eds.) Parallel distributed processing: Explorations in the microstructures of cognition, vol. 2 (pp. 7–57). Cambridge, MA: MIT Press. https://doi.org/10.1016/B978-1-4832-1446-7.50020-0

Ryan G. W., Bernard H. R. (2003) Techniques to Identify Themes. Field Methods, 15(1), pp. 85–109. https://doi.org/10.1177/1525822X02239569

Sacks H. (1972) An initial investigation of the usability of conversational data for doing Sociology. In Sudnow, D. N. (ed.) Studies in Social Interaction. (pp. 31–74). New York: Free Press.

Sarkia M., Kaidesoja T., Hyyryläinen M. (2020) Mechanistic explanations in the cognitive social sciences: Lessons from three case studies. Social Science Information, 59(4), pp. 580–603. https://doi.org/10.1177/0539018420968742

Schegloff E. A. (2007) A tutorial on membership categorization. Journal of Pragmatics, 39(3), pp. 462–482. https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.07.007

Schnall S., Haidt J., Clore G. L., Jordan A. H. (2008) Disgust as embodied moral judgment. Personality and Social Psychology Bulletin, 34, pp. 1096–1109. https://doi.org/10.1177/0146167208317771

Shepherd H. (2010) Classification, cognition, and context: The case of the world bank. Poetics, 38, pp. 133–149. https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.006

Shepherd H. (2011) The cultural context of cognition: What the implicit association test tells us about how culture works. Sociological Forum, 26(1), pp. 121–143. https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2010.01227.x

Shilling C. (2005) Embodiment, emotions, and the foundations of social order: Durkheim's enduring contribution. In The Cambridge Companion to Durkheim (pp. 211–238). Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CCOL9780521806725.009

Simmel G. (1959) The problem of sociology. In K. H. Wolff (ed.) Georg simmel, 1858–1918: a collection of essays with translations and bibliography (pp. 310–335). Ohio State University Press.

Slovic P. (1987) Perception of Risk. Science, 236(4799), pp. 280–285. https://doi.org/10.1126/science.3563507

Smith E. R., DeCoster J. (2000) Dual-process models in social and cognitive psychology: Conceptual integration and links to underlying memory systems. Personality and Social Psychology Review, 4(2), pp. 108–131. https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0402_01

Sokal R. R. (1974) Classification: Purposes, principles, progress, prospects. Science, 185(4157), pp. 1115–1123. https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1115

Sriram N., Greenwald A. G. (2009) The brief implicit association test. Experimental Psychology, 56(4), pp. 283–294. https://doi.org/10.1027/1618-3169.56.4.283

Stark D. (2009) The sense of dissonance: Accounts of worth in economic life. Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400831005

Stoltz D. S. (2025) Imaginative labor and embodied cognition: Economic sociology as a cognitive science. Current Sociology, 73(2), pp. 170–191. https://doi.org/10.1177/00113921241272779

Stoltz D. S., Taylor M. A. (2020) Cultural Cartography with Word Embeddings. arXiv:2007.04508. https://doi.org/10.48550/arXiv.2007.04508

Strandell J. (2019) Bridging the vocabularies of dual-process models of culture and cognition. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 192–211). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.11

Strauss C., Quinn N. (1997) A cognitive theory of cultural meaning. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9781139167000

Strydom P. (2007) Introduction: a cartography of contemporary cognitive social theory. European Journal of Social Theory, 10(3), pp. 339–356. https://doi.org/10.1177/1368431007080699

Swidler A. (1986) Culture in action: Symbols and strategies. American Sociological Review, 51, pp. 273–286. https://doi.org/10.2307/2095521

Swidler A. (2001) Talk of love: How culture matters. Chicago: University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226230665.001.0001

Swidler A. (2008) Comment on stephen vaisey's "socrates, skinner, and aristotle: Three ways of thinking about culture in action." In Sociological forum (pp. 614–618). Blackwell Publishing. https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2008.00080.x

Taylor M. A., Stoltz D. S. (2020) Concept class analysis: a method for identifying cultural schemas in texts. Sociological Science, 7, pp. 544–569. https://doi.org/10.15195/v7.a23

Taylor M. A., Stoltz D. S., Harper H., Kumar S., Nandhikonda S. R., Burks L. (2025) A simulation-based slope metric for anchor list reliability in word embedding spaces. https://doi.org/10.31235/osf.io/sc2ub_v3

Thornton P. H., Ocasio W., Lounsbury M. (2012) The institutional logics perspective: a new approach to culture, structure, and process. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199601936.001.0001

Tian Y., Yang T., Dong W. (2022) Does culture shape our spatial ability? An investigation based on eye tracking. ISPRS International Journal of Geo-Information, 11(11), 578. https://doi.org/10.3390/ijgi11110578

Tilly C. (1999) Durable inequality. Berkeley: University of California Press.

Turner S. P. (1994) The social theory of practices: Tradition, tacit knowledge and presuppositions. Cambridge: Polity Press.

Turner S. P. (2007) Mirror neurons and practices: A response to Lizardo. Journal for the Theory of Social Behaviour, 37(3), pp. 351–371. https://doi.org/10.1111/j.1468-5914.2007.00342.x

Turner S. P. (2014) Understanding the tacit. New York: Routledge. https://doi.org/10.4324/9781315884981

Tversky A., Kahneman D. (1974) Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Science, 185(4157), pp. 1124–1131. https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124

Vaisey S. (2009) Motivation and justification: a dual-process model of culture in action. American Journal of Sociology, 114(6), pp. 1675–1715. https://doi.org/10.1086/597179

Vaisey S. (2014) Is interviewing compatible with the dual-process model of culture? American Journal of Cultural Sociology, 2(1), pp. 150–158. https://doi.org/10.1057/ajcs.2013.8

Vaisey S. (2021) Welcome to the real world: Escaping the sociology of culture and cognition. Sociological Forum, 36, pp. 1297–1315. https://doi.org/10.1111/socf.12770

Vaisey S., Frye M. (2019) The old one-two: Preserving analytical dualism in cognitive sociology. In The Oxford Handbook of Cognitive Sociology (pp. 101–114). Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780190273385.013.6

Vandenberghe F. (1999) The real is relational: An epistemological analysis of pierre bourdieu's generative structuralism. Sociological Theory, 17, pp. 32–67. https://doi.org/10.1177/073527519901700103

Varela F., Thompson E., Rosch E. (1991) The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge, MA: MIT Press. https://doi.org/10.7551/mitpress/6730.001.0001

Vaughan D. (1996) The challenger launch decision: Risky technology, culture, and deviance at NASA. Chicago: University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226346960.001.0001

Wacquant L. (2004) Body and soul: Notebooks of an apprentice boxer. Oxford: Oxford University Press.

Wacquant L. (2015) For a sociology of flesh and blood. Qualitative Sociology, 38(1), pp. 1–11. https://doi.org/10.1007/s11133-014-9291-y

Weller S. C., Romney A. K. (1988) Systematic Data Collection. Newbury Park, CA: Sage. https://doi.org/10.4135/9781412986069

Wood M. L., Stoltz D. S., Van Ness J., Taylor M. A. (2018) Schemas and frames. Sociological Theory, 36(3), pp. 244–261. https://doi.org/10.1177/0735275118794981

Zerubavel E. (1993) The fine line: Making distinctions in everyday life. Chicago: University of Chicago Press.

Zerubavel E. (1996) Lumping and splitting: Notes on social classification. Sociological Forum, 11(3), pp. 421–433. https://doi.org/10.1007/BF02408386

Zerubavel E. (1997) Social mindscapes: An invitation to cognitive sociology. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Zerubavel E. (2006) The elephant in the room: Silence and denial in everyday life. Oxford: Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195187175.001.0001

Zerubavel E. (2007) Generally speaking: The logic and mechanics of social pattern analysis. Sociological Forum, 22(2), pp. 131–145. https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2007.00010.x

Zielonka P., others (2024) The history of dual-process thinking. Orbis Idearum, 12(1), pp. 11–51.

Zucker L. G. (1988) Where do institutional patterns come from? Organizations as ac-

tors in social systems. In L. G. Zucker (ed.) Institutional patterns and organizations (pp. 23–49). Cambridge, MA: Ballinger.

Zuckerman E. W. (1999) The categorical imperative: Securities analysts and the illegitimacy discount. American Journal of Sociology, 104, pp. 1398–1438. https://doi.org/10.1086/210178

Zukin S., DiMaggio P. (1990) Structures of capital: The social organization of the economy. Cambridge: Cambridge University Press.

Об авторах / About the authors

Дмитрий Евгеньевич Серебренников — главный научный сотрудник, Kazakhstan Sociology Lab, Корпоративный Фонд «Фонд El Umiti»; научный сотрудник, Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: эмпирические исследования права, когнитивная социология, социология культуры, криминология, вычислительная социальная наука.

https://orcid.org/0000-0002-2574-3842. E-mail: serebrennikov.dmtr@gmail.com

Dmitrii E. Serebrennikov — Senior Research Fellow, Kazakhstan Sociology Lab, Corporate Fund “Fund El Umiti”; Research Fellow, Institute for the Rule of Law, European University at St. Petersburg. Research interests: empirical legal studies, culture&cognition, sociology of culture, criminology, computational social science.

https://orcid.org/0000-0002-2574-3842. E-mail: serebrennikov.dmtr@gmail.com

Варшавер Евгений Александрович — к.с.н., директор Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ, РАНХиГС, Москва, Российская Федерация. Научные интересы: этничность, антропология, когнитивная социология, миграция.

https://orcid.org/0000-0002-5901-8470. E-mail: varshaver-ea@ranepa.ru

Evgeni A. Varshaver — Ph.D. in sociology, head of the Center for regional research and urban studies, IAER, RANEPA, Moscow, Russian Federation. Research interests: ethnicity, cognitive sociology, migration.

https://orcid.org/0000-0002-5901-8470. E-mail: varshaver-ea@ranepa.ru